

Дмитрий Безуглый

16+

The central image features the silhouettes of a man wearing a top hat and a crow perched on his shoulder. They are set against a large, bright full moon in a dark, cloudy sky. The overall mood is mysterious and gothic.

ДЕВОНШИРСКИЙ
ДЬЯВОЛ

ВИКТОРИАНСКАЯ АНГЛИЯ

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Дмитрий Безуглый
Девонширский Дьявол

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Безуглый Д.

Девонширский Дьявол / Д. Безуглый — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»)

ISBN 978-5-532-99253-5

В графстве Хэмптоншир, Англия, найден труп молодой девушки Элеонор Тоу. За неделю до смерти ее видели в последний раз неподалеку от деревни Уокерли, у озера, возле которого обнаружили странные следы. Они глубоко впечатались в землю и не были похожи на следы какого-либо зверя или человека. Тут же по деревне распространилась легенда о «Девонширском Дьяволе», берущая свое начало из Южного Девона. За расследование убийства берется доктор психологии, член Лондонского королевского общества сэра Валентайн Аттвуд, а также его друг-инспектор Скотленд-Ярда сэра Гален Гилмор. Однако Элеонор Тоу – далеко не последняя жертва Девонширского Дьявола, наводящего ужас на жителей графства...

ISBN 978-5-532-99253-5

© Безуглый Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Дмитрий Безуглый Девонширский Дьявол

Кенрик Эддингтон всегда отличался ворчливостью. Особенно в случае, когда любая, даже самая незначительная мелочь буквально выбивала его из равновесия. Тогда он раздражался, ворчал, словно брюзгливая старуха, а иногда даже сильно злился. В такие минуты Марисса Эддингтон ненавидела брата и убегала в свою комнату, чтобы не видеть его кислое лицо, усыпанное веснушками. Марисса знала характер Эддингтона-младшего получше его самого – он кривился, показательно сипел через нос, демонстрируя свое недовольство, а потом начинал зло бубнить что-либо похожее на «это не так», «я не желаю и думать об этом», «к чертям собачьим» и прочую чушь. После этого резко повышал голос и часто срывался на крик, вытягивая при этом руки вдоль тела. Правда, если рядом был отец, то он тут же осаждал Кенрика, но это отнюдь не лишало последнего чувства злости по отношению к сестре. И братец мог еще очень долго ходить насупившись, выискивая повод насолить ей. А потому Мариссе ничего не оставалось, как на время избегать общества Кенрика, предоставляя тому возможность успокоиться и прийти в себя. Эту черту он унаследовал от деда – Хамиша Фредерика Эддингтона, которому стукнуло уже восемьдесят четыре года. Тот был тем еще ворчуном, вечно всем недовольным, чем испытывал поистине безграничное терпение папы и мамы, стоически переносивших его скверный характер.

Взбегая по скрипящим деревянным ступенькам на второй этаж «Эддингтон Холла», Марисса про себя улыбалась. Ее братец видел их сегодня с Ройлом Фармером в саду как раз в тот самый значимый для них обоих момент, когда Ройл наконец-то отважился прикоснуться к ее плечу и нежно поцеловать. Кенрик терпеть не мог молодого Фармера, считая его невежей и простолюдином, совершенно невоспитанным и по-деревенски простым, неотесанным мужланом. Естественно, это было не так: Ройл отличался добрым характером, отзывчивостью и смекалистостью. Именно за последнее и ненавидел его Эддингтон-младший, заметно уступавший соображением статному и сильному Фармеру. А то, что он приходился единственным сыном деревенскому пекарю и трудился вместе со своим отцом, нисколько не смущало Мариссу, которая была тайно в него влюблена, но старалась и вида не показывать о своих чувствах. Правда, сам Ройл уже догадывался о взаимности, но всякий раз, стоило им остаться наедине, испытывал предательскую робость. Она мешала ему сделать первый шаг. И вот сегодня, прогуливаясь в саду со своей возлюбленной, Фармер таки решился прикоснуться к Мариссе, и тут же был замечен Кенриком, который не стал утаивать от них свое присутствие. Ройл, смутившись и покраснев, кротко извинился и скрылся с глаз, а Эддингтона посетил очередной всплеск злости.

Девушка быстро юркнула в свою спальню и заперла дверь, прислонившись к ней спиной. Она продолжала счастливо улыбаться, а все ее мысли крутились вокруг того момента, когда она ощутила дыхание Ройла возле своей шеи. Боже, как это было восхитительно! Марисса даже прикрыла глаза, пытаясь удержать в памяти тот сладострастный миг. Привычная суета «Эддингтон Холла» свидетельствовала о подготовке к раннему ужину. Юная леди оторвалась от двери и подошла к большому зеркалу, осматривая себя. Красивое кружевное платье белого цвета выгодно облегалo ее хрупкую фигуру, лицо румянилось, а глаза светились девичьим блеском, отражая всю полноту жизни. Поправив прическу на голове, скорее из привычки, нежели по необходимости, Марисса осталась вполне довольна собой и подошла к окну. С него открывался вид как раз на тот самый сад, в котором она любила прогуливаться и где ее частенько поджидал Ройл. Вот подружки обзавидуются! Бетси Тернер, дочь торговца, сама была не прочь оказаться на месте Мариссы (ну куда ей с большим носом и неприлично выпирающими ску-

лами!). Мисс Эддингтон про себя хихикнула, кокетливо прижимая тонкую ручку к губам. По правде сказать, Бетси нравилась многим мужчинам в деревне, но она не понимала, что те в ней находили. Это вовсе не касалось ее качеств как близкой подруги, но сравнивать ее внешность со своей Мариссе казалось глупым. Разница очевидна. А вот Джиневра Милтон была достойной соперницей – высокая, стройная, шикарные каштановые волосы длинными локонами обвивали ее нежную фигуру, и именно волосы – густые и блестящие – приковывали внимание к ее природной красоте. Часто, бывало, Марисса испытывала зависть, ей казалось, что Джиневра была куда утонченнее и грациознее. Касательно Ройла спасало лишь то, что Милтон совершенно равнодушно смотрела на него, а иногда даже недовольно фыркала от упоминания его имени. Он абсолютно был ей не по душе. И Марисса знала причину: Алисдэйр Эддингтон, ее старший брат, настоящий красавец и джентльмен. Джиневра вздыхала по нему, но тот был неприступен, а попросту говоря, не обращал никакого внимания на девушку, чьи красноречивые взгляды частенько намекали на возможность ухаживания и проявления чувств. Алисдэйр вместе с отцом, виконтом Норбертом Эддингтоном, уже давно решили – будущее старшего сына и наследника будет в Лондоне, где тот весьма успешно обучался в Лондонском университете в Блумсбери на медицинском факультете. Норберт постоянно твердил, что не желает прозябания сына в этой деревне, а видит его знаменитым в столице и вхожим в королевский двор. А глупышка Джиневра видела себя рядом с Алисдэйром, но Марисса прекрасно знала, что этому не бывать. Однако жалости к подруге по этому поводу вовсе не испытывала. Подумаешь, дочь барона и баронессы Милтон, кои были частыми гостями «Эддингтон Холла» и дружили с ее родителями. Однажды Марисса краем уха услышала, что баронесса имеет иные планы по замужеству дочери, и молодой виконт не был в числе ее избранников.

Мысли юной девушки прервал веселый звонок колокольчика. Ранний ужин накрыт на стол. Пора идти. Невежливо заставлять себя ждать. Счастливая леди Эддингтон не удержалась и высунула язычок своему отражению в зеркале. Кротко захохотала и, выпорхнув из комнаты, быстро сбежала по лестнице в огромную гостиную на первом этаже дома. На своем излюбленном месте на диване уже сидела мама, виконтесса Розелин Эддингтон, младший брат Кенрик (от вида которого Марисса чуть скривилась) стоял чуть поодаль у стены, сложив руки на груди. Неподалеку от него находились старший брат Алисдэйр и сын покойной сестры мамы Горден Дин – ее кузен и скучный молодой человек. Около виконтессы на креслах сидели Милтоны – барон с баронессой и Джиневра, как всегда, не сводившая глаз с ее братца. Сегодня они были приглашены на ужин.

– О, дорогая сестрица! – молодой виконт широко улыбнулся и подошел к ней, обнимая Мариссу. – Ты, как всегда, прекрасна! Можно искренне позавидовать тому счастливцу, которому достанется этот бриллиант!

Последняя фраза была адресована скорее всем присутствующим, нежели Мариссе. Легкий румянец смущения проступил на щеках девушки – ей льстило внимание и любовь брата. Виконтесса мило улыбнулась, наслаждаясь объятиями своих детей, а Кенрик делал вид, что не замечает происходящего. В гостиную вошел отец.

– Добрый день, господа! К сожалению, мой отец милорд Эддингтон неважно себя чувствует и не будет ужинать с нами. Он просил принести вам извинения, – сказал Норберт после того, как завершился церемониальный обмен приветствиями.

– Как жаль, – с наигранным сожалением в голосе произнесла баронесса Уитни Милтон. – Надеюсь, это скоро пройдет, и мы сможем вновь насладиться его обществом.

– Благодарю, – вежливо кивнул виконт Эддингтон. – Ну что ж, прошу следовать за мной. Стол накрыт, господа!

И Норберт направился в парадную столовую, которая по размерам была чуть меньше гостиной. Вокруг стола хлопотала служанка Берта. Виконт занял место во главе, виконтесса села напротив него с противоположного конца, Алисдэйр, как полагалось, сел возле отца. Сам

стол был щедро уставлен всевозможными блюдами: запечённая рыба, ростбиф, поджаренная говядина и картофель, несколько видов овощей, запечённые голуби и почки, котлеты, а также суп. Виконтесса Эддингтон принялась разливать суп в тарелки и подавать их служанке, которая расторопно ставила их перед каждым сидящим.

– Приятного аппетита, господа, – пожелал Норберт и приступил к еде.

Остальные последовали его примеру, и ложки мерно застучали по тарелкам.

– Как вам учеба в Лондоне, Алисдэйр? – поинтересовалась баронесса Милтон.

– Великолепно. Мой мозг не успевает отдыхать.

Джиневра улыбнулась.

– Надолго приехали в «Эддингтон Холл»?

– Месяц побуду точно.

– И успеете заскучать в этом тихом и унылом месте, – не сдержался Горден Дин, тут же получивший взгляд в свою сторону, полный неодобрения.

– Вряд ли теперь нашу деревушку можно назвать «тихой и унылой», – заметил барон Милтон, аккуратно обтирая салфеткой губы.

– Вы об исчезновении Элеонор Тоу? – поинтересовалась Розелин Эддингтон.

– Именно.

– Видимо, я многое упустил, будучи на учебе в Лондоне, – произнес Алисдэйр. – Элеонор исчезла?

– Уже почти неделю назад, – ответила баронесса, присоединяясь к пикантной теме.

– Ты не мог об этом знать раньше, учитывая твой поздний приезд, – произнес виконт Эддингтон. – Однако история уже обрастает всякими небылицами.

Марисса с интересом наблюдала за постепенным развитием разговора вокруг загадочной пропажи Элеонор Тоу. Когда-то они даже дружили некоторое время, но потом сильно поссорились (причиной ссоры, кстати говоря, стал Ройл Фармер). Джиневра Милтон, правда, до сих пор общалась с Элеонор, вплоть до самого ее исчезновения, которое очень потрясло всех жителей деревни, а разного рода слухи уже давно вышли за ее пределы и расползались по графству, словно туман в раннее утро.

– Право, расскажите же, что произошло? – немного обеспокоенно спросил Алисдэйр Эддингтон. До поступления в Лондонский университет он часто виделся с Элеонор, а некоторые даже поговаривали, что у них роман. Но они были еще подростками, и виконт совершенно спокойно реагировал на их дружбу, лишь изредка наставляя сына. Но тот и сам прекрасно понимал, чего хотел от жизни, а потому, как только пришло время, покинул «Эддингтон Холл» и укатил в Лондон.

Розелин посмотрела на супруга. Норберт облокотился о спинку стула.

– Полагаю, – обратился он к баронессе, – у вас это выйдет лучше всех.

– Благодарю, милорд, – улыбнулась Милтон. – Вы, как всегда, любезны. Бедняжка Элеонор, – начала она после секундной паузы, – поздним вечером прогуливалась у озера. Говорят, она ушла туда одна, и якобы на встречу с этим невеждой Селби.

– Мама! – фыркнула Джиневра.

– Что мама? – глаза баронессы наигранно округлились. – Мне никогда не нравился этот молодой грубиян! И как можно иметь с ним хоть какие-то отношения?

– Дорогая, успокойся, – осадил жену барон Милтон. – Думаю, никого из здесь присутствующих абсолютно не интересуют качества молодого человека, с которым водила дружбу Элеонор.

– Почему водила? – буркнул Кенрик. – Разве она мертва?

На мгновение повисла пауза. Было заметно, что это прямолинейное замечание вызвало неловкость у старшего Милтона.

– Барон просто оговорился, – пришел ему на выручку Норберт Эддингтон. – Так что же было дальше?

– Собственно, то, что и так всем известно – Элеонор Тоу пропала без следа. Однако самое жуткое заключается в другом, – баронесса сделала короткую, почти что театральную паузу, наслаждаясь вниманием. – У озера, куда направлялась девушка, нашли странные следы.

– Какие следы? – поинтересовался Алисдэйр.

– Самого дьявола!

Джиневра приснула со смеху, Марисса улыбалась, Кенрик продолжал хмуриться, Горден Дин, казалось, был совершенно равнодушен, а остальные смотрели на баронессу, будто видели ее впервые. Собственно говоря, и версию о следах дьявола они также слышали в первый раз.

– Мне говорили, что эти отпечатки в земле были похожи на копыта лошади, только немного больше обычного по размерам, – спокойно нарушил паузу Норберт. – Самому мне их видеть не довелось, но следы от копыт, пусть даже больше обычной лошади и куда глубже впечатанные в землю, еще не повод говорить о дьяволе.

– Я согласен с виконтом, – кивнул барон. – Дорогая, не носи чушь.

– Чушь, говорите? – баронесса взвилась от возмущения. – В Эксмуте также была чушь?!

– Позвольте, а что было в Эксмуте? – спросил виконт Эддингтон.

– Неужто вы не знаете? – удивилась Милтон.

– Так поведайте нам, – предложила Розелин.

– Этой зимой в Эксмуте, что в графстве Девоншир, местные жители обнаружили точно такие же отпечатки, как вы назвали, «копыт», оставленные на свежем снегу. Однако ни у кого из жителей домашний скот загон не покидал, а через селение не проезжал ни один всадник! И все бы ничего, да только сами отметины в снегу были будто выжжены и очень глубоки! Словно сами копыта были раскалены до предела. Однако и это еще не все. Когда отметины исследовали, то обнаружили, что каждая пара копыт совершенно одинаковая, а это означало только одно – их оставило существо на двух ногах! И передвигалось оно очень быстро. Настоятель прихода объявил, что в Эксмут наведался Сатана!

– Я слышал эту историю, – подтвердил Алисдэйр. – Вроде как местные следопыты двинулись по этим отметинам и дошли до Тимута, а дальше следы пропали.

– И это все? – спросил Норберт, в чьем голосе был едва заметен сарказм.

– А теперь точно такие же отметины появились у нас, – весомо подвела итог баронесса. – Дьявольская метка. И бедняжка Элеонор, вне всяких сомнений, стала жертвой Сатаны.

– Может, она просто сбежала, – равнодушно произнес Горден Дин.

– Как вам такое? – впервые за все время Норберт улыбнулся. – А ведь молодой человек, возможно, прав.

– Ну сами подумайте, – продолжала настаивать баронесса. – Куда и зачем ей сбежать поздним вечером? Не прихватив вещей?

– Тоже верно, – поддержал Алисдэйр. – Зная Элеонор, могу утверждать: она бы точно взяла с собой свои духи и кремы. Но что же дальше? Ее ищут?

– Я распорядился собрать всех, кого можно, и направил на поиски. Да, мы ее ищем. Уже обыскали леса вокруг, дошли до болот. Ничего. Ни единого следа.

– Это ужасно! – виконтесса Эддингтон грустно вздохнула. – Бедная девочка!

– Она могла утонуть в болотах, – предположил Кенрик.

– Могла, – сказал виконт. – Только какого дьявола ее туда занесло?

Майрон Фрипп, дворецкий «Эддингтон Холла», бесшумно и совершенно неприметно для других глаз возник за спиной хозяина и что-то прошептал тому на ухо. Будучи немного моложе Норберта, он все еще обладал поистине юношеской проворностью, был немногословен, учтив и обладал подвижным умом, способным схватывать все налету, понимать задачу с

полуслова и тут же выполнять ее. Эти его качества высоко ценил Хамиш Фредерик Эддингтон, а затем и его старший сын – виконт Норберт Эддингтон.

– Алисдэйр, – обратился он к молодому виконту. – Тебе письмо.

– Неужели? Интересно, от кого?

– От какой-нибудь девицы из Лондона, – хихикнул вдруг Кенрик. – Уж точно!

– Кенрик! – Розелин с укором поглядела на младшего сына. – Как не стыдно?

Марисса краем глаза заметила, как напряглась Джиневра, а злобная зависть легкой тенью промелькнула по ее красивому лицу. Алисдэйр, не обращая внимания на эти глупости, принял конверт из рук Майрона Фриппа и тут же улыбнулся.

– Бог мой! – воскликнул он. – Это письмо от самого сэра Валентайна Аттвуда!

И молодой Эддингтон принялся слишком эмоционально, по мнению Норберта, вскрывать конверт и торопливо доставать из него плотный лист бумаги.

– Вот так сюрприз!

– Может, ты просветишь нас? Кто такой посланец сего письма? И что в нем, если это не секрет? – чуть недовольно произнес виконт.

– О нет, отец! Конечно же! – лицо Алисдэйра светилось радостью вперемешку с удивлением. – Помнишь, я когда-то говорил тебе о нем? Великий человек и ученый! Он мой преподаватель на курсе медицины.

Остальные заинтересованно слушали, уставившись на Алисдэйра, который вдруг преобразился, отбросив английскую выдержку и предавшись эмоциям.

– Припоминаю, – кивнул Норберт.

– Господа! – юный виконт обвел всех светящимся взглядом. – Он величайший ученый нашего времени. Его познания в психологии и хирургии поистине непревзойденные, как и открытия, которые от делает! А новое направление, которое сегодня называют «дактилоскопия», я уверен, получит в будущем широкое признание благодаря сегодняшним исследованиям доктора Аттвуда. Без преувеличения могу сказать, что сэр Валентайн – гений, господа! И он на пути к «Эддингтон Холлу»!

– Ты хочешь сказать, что нас посетит столь знаменитый гость? – поинтересовалась Розелин.

– Именно! Он пишет, что держит путь в Эксетер и с удовольствием воспользуется моим приглашением остановиться в «Эддингтон Холле».

– Великолепно!

– Почему ты заранее не предупредил? – спросил Норберт, нахмурившись.

– Разве мог я знать, что при последней встрече на лекции в университете, когда я из вежливости сделал приглашение посетить наш дом, он таки примет его? – удивился Алисдэйр. – Он очень занятой человек, член Лондонского королевского общества и обладатель Королевской медали, да и прочих регалий за ним не счесть.

– Какая прелесть, – сказала баронесса Уитни Милтон. – Надеюсь, мы сможем пообщаться с этим великим ученым.

Это прозвучало несколько наигранно. Марисса радовалась за брата, видя, как он светится от восторга. Джиневра облегченно вздохнула, когда поняла, что письмо вовсе не от поклонницы (вот глупышка!).

– Майрон!

Возле виконта Эддингтона тут же появился дворецкий.

– Распорядись подготовить комнату для нашего гостя из Лондона.

– Да, милорд.

– Когда он прибудет?

– Судя по всему – завтра.

– Хорошо, тогда...

Разговор за столом прервал звонок дверного колокольчика. Норберт удивленно взглянул на Майрона Фриппа, будто тому должно быть известно, кого принесла нелегкая в столь поздний уже час.

– Сию минуту, – дворецкий быстро удалился.

– Кто бы это мог быть? – вслух произнесла Розелин.

Горден Дин и Кенрик уже заметно скучали, желая перейти в гостиную и выпить виски. Через некоторое время вновь появился Майрон Фрипп.

– Милорд, – обратился он к Эддингтону. – Пожаловал сэр Валентайн Аттвуд!

– Где он? – воскликнул Алисдэйр, вскакивая со стула. – Зовите немедленно! Нет, я сам!

– Мальчик по-настоящему восхищен этим ученым, – заметила баронесса, когда юный Эддингтон пулей вылетел из столовой. – Не ошибусь, если он – его кумир.

– Мне уже и самому интересно познакомиться с ним, – вставил виконт, а барон Милтон лишь кивнул, продолжая поглощать пищу.

– Доктор Аттвуд не промах – поспел аккурат к ужину, – буркнул Кенрик, благодаря чему удостоился очередного укоряющего взгляда со стороны матери.

Буквально через минуту в столовую вернулся Алисдэйр в сопровождении очень высокого, не менее шести футов и пяти дюймов, широкоплечего мужчины-великана. Его стройная и мощная фигура внушала уверенность и непоколебимость. Широко расправленная грудь и прямая осанка свидетельствовали о благородном происхождении. Прямоугольное, с выпирающим вперед подбородком и правильными чертами лицо, аккуратная стрижка ярко-черных волос на голове соединялась с подведенной коротко стриженной бородой. Большие карие глаза источали свет ума, а цепкий взгляд, казалось, непрерывно изучал все вокруг. Одет доктор медицины был в дорогого покроя темный клетчатый костюм и белоснежную сорочку, воротник которой элегантно обвязывал шейный платок, заколотый большой галстучной булавкой. Одинакового покроя с костюмом жакет был застегнут на все пуговицы, поверх него аккуратно свисала серебряная цепочка, к которой крепились с одного конца брелок в виде змеи, пожирающей собственный хвост, а с другого – часы, находящиеся в кармане жакета. Поверх костюма был накинут черный макинтош, воротник-стойка которого был полностью приподнят. На ногах – до блеска начищенные туфли, словно их обладатель только что сошёл с плаката, а не трусился целый день в карете по ухабистым дорогам. В одной руке цилиндр, а в другой зажата трость с большим серебряным набалдашником. Он приветливо и непринужденно улыбался, окидывая взглядом всех присутствующих.

– Отец, мама, – торжественно начал Алисдэйр. – Господа! Позвольте представить вам моего учителя и наставника, доктора медицины, сэра Валентайна Аттвуда!

– Виконтесса, – мягкий, чуть хрипловатый голос ученого вибрировал столь необычно, что поневоле обращал внимание на его обладателя.

Доктор Аттвуд учтиво поцеловал протянутую руку Розелин Эддингтон.

– Милорд, рад возможности познакомиться, – он крепко пожал руку Норберта, вежливо вставшего из-за стола на правах хозяина дома.

– Господа, прошу прощения за столь поздний и неожиданный визит и за то, что своим появлением прервал ваш вечер.

– Ну что вы, – возразила баронесса. – Право, это так интересно – видеть такого знаменитого ученого в наших краях.

– Вижу, мой ученик успел кое-что обо мне рассказать, ведь так? – широкая улыбка обнажила ровные белые зубы сэра Валентайна. – Надеюсь, он был скромен в своих суждениях.

– Конечно, доктор, – улыбнулась Розелин в ответ. – Более чем. Вероятно, вы голодны с дороги? Майрон, прими у нашего дорогого гостя фрак и цилиндр.

– Благодарю вас, – Аттвуд чуть склонил голову. – Я действительно весьма проголодался.

Когда дворецкий забрал верхнюю одежду, сэр Валентайн сел за стол на свободное место, любезно предложенное хозяйкой «Эддингтон Холла».

– Вы получили мое письмо?

– Буквально за несколько минут до вашего приезда, – ответил Алисдэйр.

– Неужели? Я отправил его несколькими днями ранее.

– В этот раз, видимо, королевская почта сработала не самым лучшим образом, – заметил барон Милтон.

– Или же я прибыл слишком быстро.

Присутствующие за столом улыбнулись, кроме Кенрика и Гордена Дина, на чьих лицах поселилась скука, – даже внезапный приезд знаменитости из Лондона совершенно не развлек их.

– Вы надолго к нам? – поинтересовался Норберт.

– О нет. Мне необходимо ехать дальше, а потому я буду очень благодарен, если позволите воспользоваться вашим гостеприимством и задержаться до утра.

– Конечно, доктор! – произнесла Розелин. – Наш сын восхищен вашим талантом, и нам очень лестно, что вы наш гость. К тому же, мне как матери безумно интересно познакомиться с человеком, который наделяет моего сына знаниями.

– Благодарю, виконтесса. Вы сама любезность. К слову, у вас не менее талантливый сын, – совершенно серьезно парировал ученый. – Говорю это искренне и без лести. Алисдэйр – один из самых лучших моих учеников. У него поистине острый ум, подвижное мышление и замечательная память. Не стану преувеличивать, но у него огромный потенциал и может быть большое будущее. Если он сам пожелает его себе создать.

Доктор, глядя на своего ученика, зардевшегося от удовольствия слышать похвалу из уст члена Лондонского королевского общества, хитровато прищурился, как бы выражая мысль «все в твоих руках, юноша».

– Весьма приятно слышать, сэр Валентайн, – виконту также польстила похвала достижений сына со стороны наставника. – Премного благодарен.

Валентайн Атвуд довольно быстро поел, после чего Норберт Эддингтон предложил всем переместиться в зал, чтобы выкурить по сигаре и выпить виски. Доктор также выразил желание присоединиться, заверив всех, что совершенно не устал после долгого пути.

– Расскажите, чем живет Лондон? – поинтересовалась баронесса Уитни Милтон. – Находясь вдали от столицы, сложно успевать за новостями.

– Королева Виктория в добром здравии, чего не скажешь о милорде Дизраэли, – отвечал сэр Валентайн, удобно расположившись на мягком диване. – Поговаривают, что у них с сэром Уильямом Гладстоном разрастается конфликт на фоне несогласия с так называемой восточной политикой. Как вы знаете, у нас не все так гладко в Египте и Афганистане, как того хотелось бы. В том числе и королеве. Либералы вновь набирают силу, и мне кажется, что консерваторы на грани краха.

– Ах, уж эта политика, – вздохнула Розелин.

– Не понимаю, как шотландец может пользоваться таким успехом, – фыркнул Горден Дин. – Тем более, когда он уже руководил министерством, а затем проиграл выборы.

– Почему нет? – удивленно вскинул брови доктор Атвуд. – Разве национальность мешает руководить страной? К слову, он родился в Ливерпуле.

– Вы сказали «руководить»? – заметил Норберт Эддингтон. – Но ведь, если мне не изменяет память, либералов возглавил маркиз Гартингтон?

– Верно, – кивнул головой Атвуд. – Как, собственно, не следует забывать и лорда Гренвилла. Но есть одно «но».

– Хотите сказать, что из них именно сэр Уильям Гладстон обладает наибольшим опытом в государственных делах?

– Вы проникательны, милорд. Да, я полагаю, не за горами тот день, когда граф Биконсфилд распустит парламент. Сэр Уильям Гладстон – сильный соперник, и он слишком рьяно организовывает общественное движение против политики Бенджамена Дизраэли. А у королевы просто не будет выхода, как договориться именно с Гладстоном.

– Но откуда такие выводы? – искренне возмутился Алисдэйр. – Лично я считаю милорда Дизраэли лучшим премьер-министром.

– Возможно, это и так, – снисходительно произнес доктор Аттвуд. – Мне нелегко о том судить. Считаю, что руководствоваться эмоциями довольно пагубно для политики. Но, джентльмены, совершенно неприемлемо не замечать новые веяния в политике государства, идеи которого замешаны на мнении общества. Ведь все начиналось гораздо ранее. Еще до того дня, как сэр Уильям и либералы сформировали свой первый кабинет. Вспомните билль о парламентской реформе, который был отвергнут палатой. И что далее? Новый консервативный кабинет милорда Дизраэли все же вынужден был выступить со своим проектом парламентской реформы, несмотря на то, что сэр Гладстон первым предложил ее и внес в парламент. И он же сыграл значительную роль в подготовке и принятии правок в билль. В результате мы получили либеральную реформу. А далее последовало заявление Гладстона в пользу отмены государственной церкви в Ирландии. И он таки добился этого впоследствии, как и многого другого. Его реформы все еще свежи в памяти народа. И даже несмотря на тот факт, что вся реформистско-преобразовательная политика либералов со временем все же вызвала консервативную реакцию в народе, результатом чего стало возвращение Дизраэли в кресло во главе большинства, попомните мои слова, господа, – точно такая же реакция последует и сейчас в отношении самих консерваторов.

– Народ возжелает новых реформ, – резюмировал Норберт, делая очередной глоток виски.

– Именно!

– Мне кажется, уже возжелал, – вставил свое веское слово барон Милтон.

– Думаю, вы правы, – поддержал его сэр Валентайн, поглаживая бородку. – Во всяком случае, такие настроения витают в высших кругах общества, как и на улицах Лондона. Сегодня либералы в оппозиции, и они сильны. Чего стоит только вопрос вступления в русско-турецкую войну на стороне Турции, где милорд Дизраэли совершенно готов к такому шагу, но Гладстон организовал этому противодействие.

Розелин Эддингтон о чем-то шепталась с баронессой Милтон, уже не обращая внимания на мужчин, так живо обсуждавших политику Британии, а Марисса с интересом слушала их рассуждения, наслаждаясь обществом доктора Аттвуда, показавшегося ей очень и очень интересным человеком. Джиневра постоянно пялилась на Алисдэйра, который практически ее не замечал, увлеченный спором, Кенрик чувствовал себя не в своей тарелке. Он абсолютно не понимал того, о чем говорят остальные, да и, в принципе, был равнодушен к таким темам. Горден Дин иногда бросал короткие замечания, будучи сегодня немногословным, а вместо этого налегал на виски, к которому пристрастился в последнее время. Так продолжалось бы и далее, а затем приятный вечер завершился бы уходом всех по своим комнатам и сном. Однако этому не суждено было сбыться: вначале послышался какой-то шум за окнами, и Кенрик первый обратил на него внимание. Шум нарастал, что встревожило женщин и насторожило мужчин, а затем громкий звонок дверного колокольчика вперемешку с бестактным стуком в дверь заставил Норберта Эддингтона вскочить с кресла.

– Майрон! Кого там черти принесли в такой поздний час? – выкрикнул он. – Что за наглость?

Гомон возбужденных голосов. В зал почти вбежал дворецкий Майрон Фрипп. Он был бледен, но прилагал усилия, чтобы сдерживать нахлынувшие на него эмоции.

– Милорд! Господа! Страшная весть...

– Говори, не тяни! – воскликнул виконт.

– Только что в лесу нашли мертвого человека. Разодранного в клочья!

Баронесса ахнула, Аттвуд задумчиво смотрел на дворецкого, остальные были ошеломлены новостью.

– Послали за констеблем. Говорят, это девушка.

– Бог мой! – воскликнул Алисдэйр. – Элеонор?!

Холодные весенние ночи в деревне Уокерли и ее окрестностях славились почти непроглядной темнотой. Лес в округе был чрезвычайно густым, что особенно отличало графство Хэмптоншир и непосредственно саму деревню, которая находилась неподалеку от восточной границы графства Уилтшир. Местами он был даже непроходимым и опоясывал большую часть селения. В этих диких местах любили охотиться Эддингтоны и другие знатные персоны: они никогда не возвращались из леса без добычи – то ли вепря, то ли косули. На юге от Уокерли, где река Дан изгибалась и впадала в речку Тест, были топи и болота. А поля, которые обрабатывали земледельцы, находились только на юго-востоке и севере поселения. Всего две большие дороги вели в Уокерли – одна из Лондона, а другая – из Труро, графства Корнуолл, через Эксетер.

Извозчик доктора Аттвуда еще не успел полностью распрячь лошадей, а потому сэр Валентайн предложил воспользоваться его каретой. Виконт и Алисдэйр немедленно согласились. Барон Милтон и Кенрик остались с охающими дамами, добровольно вызвавшись их опекать, а Горден Дин наскоро оседлал свою лошадь и поскакал следом за экипажем сэра Валентайна. Рядом с извозчиком уместился один из прихожан церкви и житель деревни, выразивший желание показывать дорогу, тогда как остальные пришедшие к дому виконта мгновенно покинули его владения. Им не терпелось поведать об ужасном происшествии своим родным и друзьям. По дороге Эддингтон-старший кратко рассказал ученому Лондонского университета о случае с Элеонор Тоу, которую хорошо знает его старший сын.

– Малоприятная неожиданность, – проговорил доктор. – Признаться, не так я представлял себе пребывание в «Эддингтон Холле».

– У нас тихое и спокойное поселение, – сказал Норберт. – Почти всегда жизнь течет ровно и без происшествий. Но вот последняя неделя оказалась необыкновенно насыщенной: пропала мисс Тоу, из Лондона приехал сын, затем вы посетили наш дом, и тут же нам сообщают о мертвце в лесу. Поистине, когда пусто, а когда и густо.

Карету подбросило на ухабе.

– Только бы это оказалась не Элеонор, – грустно произнес Алисдэйр.

– Это уже не важно, – угрюмо поправил виконт. – Есть мертвец. И с ним случилось нечто ужасное, судя по несвязным рассказам тех, кто его обнаружил. Этот случай взбудоражит деревню, что само по себе является серьезной проблемой.

– Не стоит делать преждевременных выводов, – сэр Валентайн был предельно спокоен. – Вполне может оказаться, что беднягу задрал дикий зверь.

– Только на это и надеюсь.

Оставшуюся часть пути ехали молча. Только свист ветра и скрип рессор от неровностей дороги нарушали ночную тишину. Вскоре экипаж остановился.

– Все. Дальше пешком, – прокричал провожатый. – Дороги туда нет.

– Зажигайте факелы! – приказал виконт, первым выходя из кареты.

Кромешная тьма опоясывала все вокруг, а густой лес впереди выделялся огромным черным пятном.

– Как на зло, и луна скрыта за тучами, – проворчал Горден Дин, спешиваясь рядом с каретой. – Далеко идти?

– Милорд, видите, там, справа... да... вон, вдалеке едва заметные огоньки, видите?

Норберт всматривался туда, куда показывал ему провожатый, но ничего не мог разглядеть.

– Вижу! – крикнул Алисдэйр. – Мигает иногда.

– Нам туда.

– Чего ждем? Давайте пошевеливаться!

Когда зажгли факелы, первым пошел прихожанин церкви, показывая путь, за ним виконт Эддингтон, его сын Алисдэйр и сэр Валентайн Аттвуд, а позади них плелся Горден Дин. Чем ближе подходили к месту, тем отчетливее видели мигающий свет огня от факелов, а когда двигались по узкой тропе сквозь лесные заросли, до ушей идущих стали доноситься голоса. Пробираясь сквозь кустарники между огромными стволами деревьев становилось сложнее. Здесь разыгравшийся ветер почти утих, а его зловещий свист все более отдалялся, оставаясь позади.

– Кто обнаружил тело? – спросил вдруг доктор Аттвуд, прикрывая лицо от ветвей поднятой вверх рукой.

– Лесничий Вудроу Додд. Точнее, его пес Бадди. Это он унюхал мертвецкий смрад, когда Вудроу обходил по краю лес.

Звук ломающихся сухих веток под ногами казался очень громким, а треск пламени факелов добавлял мрачности и без того ужасному происшествию.

– Осторожно с огнем, господа, – прокомментировал виконт Эддингтон. – Нам еще не доставало лесного пожара.

– Почти пришли, – сказал провожатый.

И вправду, через несколько минут они вдруг вышли на небольшую поляну, густо поросшую травой и низким кустарником. Здесь уже находились человек семь, и света от совокупности факелов было предостаточно. Тем более, что к этой минуте тучи понемногу рассеялись, пропуская еще пока слабый лунный свет.

– Милорд, – первым вышедших из леса людей заметил констебль, который сумел прибыть сюда немного раньше них.

Невысокого роста, полноватый, но оттого не менее расторопный, хотя в его маленьких глазках застыла растерянность. Судя по всему, он впервые сталкивался с таким случаем в своей службе, а может быть, и труп человека наблюдал также в первый раз. Вежливо кивнув остальным, полицейский пожал руку любезно представленному ему виконтом Эддингтоном доктору медицины, чья спокойная уверенность передалась даже через жест.

– Здесь есть ваш коллега, – заметил констебль, обращаясь к Аттвуду. – Доктор Тейт Янг. Вон он, осматривает тело.

И тут же:

– Господа! Прибыл виконт Норберт Эддингтон с сыном виконтом Алисдэйром Эддингтоном и сэром Валентайном Аттвудом из Лондона!

Гордена Дина, незаметно стоявшего чуть в стороне, коп не назвал, зато при произнесении имени ученого доктор Янг, который буквально ползал около трупа, вдруг резко обернулся. Потом встал на ноги, отряхивая прилипшие ветки с колен и рук.

– Я не ослышался? – громким низковатым басом переспросил он. – Сэр Валентайн Аттвуд, доктор медицины, член Лондонского королевского общества?

– Он самый, – чуть улыбаясь, ответил сам за себя ученый и сделал несколько шагов навстречу коллеге.

– Вот так неожиданность! – Тейт Янг улыбнулся в ответ. – Какими судьбами вас занесло в эту глушь? Вряд ли вы бы успели приехать сюда специально ради погибшей.

– Вы правы, старина, – Аттвуд крепко пожал руку своего давнего знакомого. – Я здесь проездом и в гостях у своего ученика и его семьи.

– Теперь понятно, – кивнул доктор Янг. – Как же я сразу не сообразил, что молодой Эддингтон ваш студент. Ну что же, предположу, что вы прибыли вовремя. Вас может заинтересовать это происшествие.

– Думаете?

– Даже уверен в том. Но не буду забегать вперед – взгляните сами.

Пока они разговаривали, остальные лишь поглядывали на них, ожидая, какие же выводы сделает доктор графства, живущий неподалеку от деревни. Констебль был явно не в своей тарелке и тайне надеялся, что заключение врача снимет ему всю головную боль. И окажется, что виной всему дикие звери.

– Констебль, вам не кажется, что здесь много людей и, вероятно, все имеющиеся следы давно затоптаны их башмаками? – поинтересовался Аттвуд.

– Но... – коп развел руки в стороны, теряясь с ответом.

– Оставьте беднягу, – немного саркастически произнес Тейт Янг. – Он впервые видит такое и совершенно не понимает, что предпринять далее.

– Попрошу всех присутствующих все же не топтаться, а замереть на месте и дать возможность обследовать это место, – уверенным тоном произнес сэр Валентайн, словно только что принял на себя обязанность руководить расследованием.

– Господа, – произнес виконт Эддингтон. – Вы все поняли? Прошу выполнять.

Аттвуд чуть склонил голову набок и неспешно подошел к мертвому телу девушки. Это было ясно с первого взгляда по одежде и волосам. Его старый знакомый доктор Янг также приблизился к труп, который до этой минуты успел тщательно осмотреть. Теперь же он с интересом, пожалуй, куда сильнее, чем изучать мертвеца в зловещем ночном лесу, наблюдал за сэром Валентайном.

Ученый из Лондона вначале внимательно обвел взглядом место вокруг трупа, затем его глаза переместились на мертвую девушку. Секунд десять он просто стоял и смотрел на тело, точнее, на то, что от него осталось. Несчастливая жертва лежала на спине, голова сильно запрокинута назад и в сторону, глаза широко распахнуты, и в них застыл ужас, рот также приоткрыт, словно крик отчаяния застыл на губах как раз в момент наступления смерти. Руки также раскинуты по сторонам, правая нога как-то странно согнута и подвернута под спину, а левая выпрямлена. Собственно, это были единственные части тела, которые уцелели, и их можно было рассмотреть. Потому что от груди и ребер, живота и внутренностей остались одни ошметки, – все туловище было буквально разорвано в клочья и представляло собой сплошное месиво из мышц, костей и органов.

– Будьте любезны, подсветите мне, – глухим голосом нарушил тишину доктор Аттвуд.

Даже он, искушенный созерцанием мертвых тел и проведением научных опытов над ними с разрешения близких, если то были не бездомные бродяги, погибшие от насилия или голода, был шокирован увиденным. Однако его жесткое лицо не выражало никаких эмоций – ни отвращения, ни удивления, ничего. Только уверенность и интерес познания. Тут же к нему подошли двое мужчин с факелами. Лунное сияние теперь было ярче благодаря просветлевшему от рассеявшихся туч небу.

– Благодарю. Ближе не подходите.

Виконт Эддингтон и Алисдэйр внимательно следили за каждым движением сэра Валентайна – собственно, как и все остальные. Тейт Янг испытывал почти болезненное любопытство. Он готов был станцевать на месте от томительного ожидания – так страстно ему хотелось слышать выводы знаменитого ученого из Лондона, волей судьбы оказавшегося здесь, в этом лесу, на месте преступления.

Аттвуд наконец приблизился к трупу вплотную и присел на корточки. Он ничего не трогал руками, а только лишь цепким взором осматривал каждую деталь. Это длилось не более пяти минут, которые для Янга казались вечностью.

– На первый раз достаточно, – разрядил тишину доктор из Лондона. – Дальше я бы просил возможности осмотреть тело тщательнее в покойнице, где у меня будет больше времени и света.

– Но, господин доктор, что же его осматривать-то? – искренне изумился констебль. – Ведь совершенно очевидно, что несчастную задрал зверь. Все предельно ясно, ведь так?

Полицейский даже обвел остальных взглядом, ища поддержки. Кто-то согласно закивал. Норберт внимательно смотрел на реакцию сэра Валентайна, который снисходительно качнул головой:

– Вы так полагаете?

– Это видно невооруженным взглядом! Такое может сделать только дикий зверь, ведь так, мистер Янг?

– Да, констебль, вы абсолютно правы, – ответил за своего коллегу Аттвуд.

Коп тут же успокоился, но ненадолго.

– Но только в том, – продолжил ученый, – что касается дикого зверя. Действительно, такое преступление под силу исключительно монстру.

– Преступление? – воскликнул Алисдэйр.

– Эта девушка – та, которая пропала днями ранее? – поинтересовался сэр Валентайн у молодого Эддингтона.

– К сожалению, да, – с грустью в голосе ответил тот. – Это Элеонор Тоу.

– Я так и думал. Тогда вопрос к вам, констебль, – где она была все эти дни?

– Как где? Здесь! Она ушла в лес на прогулку, и ее задрал зверь. Возможно, вепрь.

– И она пролежала тут так долго?

Теперь уже ухмыльнулся и доктор Янг, понимая, к чему клонит Аттвуд.

– Почему нет? – ответил коп.

– По нескольким причинам, мой дорогой друг, – в тоне ученого теперь явно сквозила поучительность, словно он обращался к умственно отсталому человеку. – Первая: где кровь? Ее нет ни под телом, ни возле него. Неужели испарилась, не оставив ни единого следа на земле?

Пауза. Затем сэр Валентайн продолжил.

– Вторая: почему остатки тела не были, простите, господа, доедены тем же зверем либо другими, которых полным-полно в лесу? И, наконец, третья: по прошествии недели или даже нескольких дней, ежели труп пребывает в тепле – он начинает гнить и разлагаться. Доктор Янг, разве бедняжка Элеонор Тоу начала гнить? И разлагаться?

– Нисколько, – уверенно поддержал своего коллегу Тейт.

– Думаю, этого предостаточно, чтобы полностью опровергнуть вашу теорию о вепре, мой друг, – подвел итог Аттвуд.

– Так что же, по вашему мнению, произошло? – поинтересовался Норберт.

– Тело сюда доставили, а убили в ином месте, – уверенно ответил сэр Валентайн. – Убили, на первый взгляд, не более суток назад. И сие ужасное деяние совершил действительно дикий зверь. В человеческой шкуре и в приступе безумства, господа!

Констебль молчал, его лицо было бледным, а в голове крутились мысли о том, что теперь ему придется расследовать убийство, в чем у него не было ни малейшего опыта.

– А как же следы? – вяло попытался возразить он.

– Если вы о тех немногих углублениях в земле в форме копыт, многие из которых присутствующие здесь затоптали ранее, то на этот счет у меня нет никаких выводов. Однако какие бы следы мы здесь с вами не обнаружили, факт есть фактом – девушку жестоко убили где-то в другом месте, потом принесли сюда, причем относительно недавно, так как звери еще не успели ее обглодать. И сделал это человек. Монстр, если хотите!

– Рад, что оказался с аналогичными выводами не наедине с нашим упорным констеблем, – резюмировал доктор Янг. – Иначе мне пришлось бы столкнуться с серьезным сопротивлением. Как все же вовремя вы прибыли сюда, сэр Валентайн!

– И не скажу, что рад такому обстоятельству, хотя знакомство с вами, виконт, – Аттвуд кивнул, – и вашей семьей мне было весьма приятно.

– Мне тоже, – Норберт был хмур и задумчив.

Его также, как и констебля, совершенно не прельщала мысль о том, что это таки убийство и что теперь необходимо организовать поиски убийцы. Но куда более виконта беспокоила мысль о том, что в деревне и окрестностях разползутся слухи о чудовище, убивающем людей, а затем они обрастут самыми невероятными подробностями и ужасами. А если принять во внимание наличие этих загадочных следов, которые были обнаружены также в Эксмуте, графство Девоншир, – мифы о дьявольских метках оживут с новой силой. Добавить к этому характер убийства – то, что бедняжку буквально разорвали на куски, – и деревня погрузится в ужас. До тех пор, пока не найдут убийцу. Но кто будет искать? Этот глуповатый и неопытный констебль?

– Сэр Валентайн, – вдруг обратился виконт к доктору Аттвуду. – Нам крайне необходима ваша помощь. Здесь некому подойти к этому делу профессионально, а вы человек большого ума и, судя по всему, опыта в таких делах.

– Милорд, – возмутился было констебль, сомнение которого было ущемлено.

– Помолчите, прошу вас, – осадил его Норберт.

– Я должен быть в Эксетере через два дня, – начал было Аттвуд.

– Хочу все же просить вас об услуге, доктор, – настаивал Эддингтон. – Я не останусь в долгу. Мне больно думать, что если вы правы, и этот монстр совершит свое преступление еще с кем-нибудь другим, а я мог этому помешать... вы понимаете меня?

– Прекрасно понимаю. Мне надо обдумать. По возвращению в «Эддингтон Холл» я скажу ответ.

– Соглашайтесь, – поддержал виконта Тейт Янг.

– Вы бы справились и без меня, – улыбнулся Аттвуд.

– Я просто врач, но не следователь.

– Как и я.

– Но вы обладаете богатым опытом в криминалистике, а это куда важнее.

– В любом случае я хочу осмотреть тело в покойнице. Доставьте его туда, господа, а вас, Тейт, я жду завтра утром в «Эддингтон Холле»...

Утро следующего дня выдалось прохладным. Почти всю ночь моросил мелкий дождь, а когда он с восходом солнца прекратился, невесть откуда налетел пронзительный ветер. Обитатели «Эддингтон Холла» провели беспокойную ночь. Все, кроме доктора Аттвуда, который спал крепким сном вплоть до самого звона колокольчика, оповещающего о завтраке. Барон и баронесса Милтон с дочерью Джиневрой покинули замок, так и не дождавшись возвращения виконта и остальных с места преступления. Однако ранним утром они прибыли на завтрак, сгорая от любопытства. Новость оказалась поистине ужасной.

– Бедная девочка, – вздыхала Уитни Милтон, которую и впрямь шокировала новость.

Марисса испытывала огромную печаль. Алисдэйр был немногословен и задумчив – было видно, что его одолевают какие-то мысли и переживания.

– Доброе утро, господа! – бодрым голосом произнес вошедший в зал сэр Валентайн, чей свежий вид демонстрировал полную противоположность всеобщему унынию.

– Куда уж добрее, – проворчал Горден Дин.

– Горден! – одернула его за невежливость Розелин Эддингтон.

– Именно что доброе! – словно насмехаясь, продолжал Аттвуд. – Радоваться нужно каждому новому наступившему дню. Иначе жизнь не имеет смысла.

– Правильные слова, доктор, – согласился Норберт. – Вот только не при таких обстоятельствах.

– Такие, как вы выразились, обстоятельства возникают ежедневно, а в больших агломерациях – еще и помногу. Означает ли это, что другим живущим следует предаваться унылости и впадать в вечную грусть? И того более – депрессию?

– Как вы можете так говорить?! – удивленно воскликнул Алисдэйр. – Ведь погибла Элеонор! Стала жертвой психа! Чудовища!

– Да, мой мальчик. Вы правы. Вы грустите, и это оправдано. Ведь вы знали ее лично. Мне же просто жаль бедняжку, но я не собираюсь долго предаваться печали. Ибо этим делу не поможешь, мисс Тоу к жизни не вернешь, а собственному здоровью можно нанести серьезный вред. К тому же я намерен все же помочь расследовать это жестокое убийство, чтобы не допустить новых и поскорее поймать безумца! А это требует активности, хорошего настроения и остроты ума.

– Вы циник, сэр Валентайн, – подал голос барон. – Но, черт возьми, я полностью с вами согласен.

– Знали бы вы, господа, скольких жертв насилия мне доводилось видеть собственными глазами, – резюмировал Аттвуд. – Поэтому, простите за бестактность, еще одна нисколько не повлияет на мое хорошее расположение духа. Соглашусь – это цинично.

– Я еще раз благодарю вас за то, что согласились помочь, – произнес Норберт. – С чего начнете?

– С телеграммы.

– То есть?

На ученого из Лондона оставались многочисленные пары любопытных глаз.

– Моему другу – начальнику столичного Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда сэру Галену Гилмору.

– И в чем же суть телеграммы? – нахмурился виконт.

– Я попрошу его приехать лично. В крайнем случае, прислать одного из своих инспекторов для помощи в расследовании этого жуткого дела.

– Неужели без этого не обойтись?

– Вы опасаетесь огласки? Напрасно. К вечеру вся деревня будет знать о вчерашнем происшествии, а вскорости слухи достигнут самого Лондона. Так есть ли смысл держать информацию в тайне тогда, когда она и без наших усилий преодолет границы ваших владений, виконт?

– Пожалуй, вы правы, – согласился после секундной паузы Норберт. – Будет лучше поскорее покончить с делом и забыть его, как страшный сон.

– Забыть такое вряд ли удастся, – вставил Алисдэйр.

– Но найти негодяя быстрее, чем его бы сыскал ваш глуповатый констебль, – это я вам гарантирую, – уверенным тоном заявил профессор.

– Если этот «бобби» вообще способен кого-то найти, – съязвил Кенрик.

– Я распоряжусь, чтобы Майрон немедленно дал телеграмму в Лондон от вашего имени, доктор Аттвуд, – произнес Норберт Эддингтон.

– Благодарю вас. Кстати, а где же доктор Янг?

– Думаю, он появится после завтрака. Прошу к столу, господа, – виконт указал рукой в сторону столовой.

И действительно, карета доктора Тейта Янга подъехала к «Эддингтон Холлу» после того, как с ранним завтраком было покончено. Сэр Валентайн Аттвуд, кротко извинившись, покинул с ним замок виконта, наотрез отказавшись взять с собой любопытствующего Гордена Дина, который сильно просил об этом доктора. Зато предложил поехать с ним Алисдэйру Эддингтону:

– Думаю, мой мальчик, вам будет небезынтересна и весьма полезна такая практика, – улыбнулся Аттвуд. – Так как?

– Благодарю, сэр, – глаза юного ученика профессора заблестели от азарта, но через мгновение интерес сменился сомнением.

Эту резкую перемену в настроении заметил доктор.

– Понимаю, вы знали бедняжку лично, но постарайтесь посмотреть на это дело со стороны. А еще лучше со стороны науки – равнодушно и беспристрастно.

– Разве это возможно? – удивленно спросил Алисдэйр. – Я ведь знал ее с детства.

– Сочувствую. Итак?

Тейт Янг с интересом наблюдал за ними из кареты.

– Еду, – решил молодой виконт.

– Верное решение. Зачту вам это при будущих занятиях на моих лекциях, – кивнул сэр Валентайн. – Никогда не стоит прятаться от знаний и опыта, что бы за этим ни стояло.

Запах в покойнице, куда спустя полчаса прибыли Аттвуд, Янг и молодой Эддингтон, стоял преотвратительнейший: едкая смесь сладковато-приторного трупного смрада и протухшей сырости. Переступив порог мрачного помещения с толстыми каменными стенами, которые местами были покрыты плесенью и каплями влаги, Алисдэйр тут же сморщился от отвращения и уже хотел было выйти наружу. Но увидев, что профессор и доктор Янг даже носом не повели, оставаясь сдержанно-беспристрастными, устыдился своей сиюминутной слабости. Однако вонь от этого не становилась меньше, а тошнота, накатывающая волнами, была способна ослабить тело до беспомощности.

– Вы привыкнете, виконт, – снисходительно высказался Тейт Янг, понимая всю гамму чувств и отвращения, накативших на юного ученика сэра Валентайна. – Каждый испытывал нечто подобное в таких неблагоприятных местах.

– Но не каждый выдерживал испытание, – подтвердил Аттвуд. – Где наша несчастная леди?

– Ее привезли поздно ночью. Прошу за мной.

И действительно, через минуту-две стало полегче дышать, а миазмы стали чуть привычнее для обоняния, которое приспособлялось к вони. Кое-как преодолев тошноту, Алисдэйр двинулся следом за наставником. Они вошли в полутемную и очень холодную от сырости комнату, в которой по центру стоял огромный металлический настил. На нем лежало небрежно брошенное тело Элеонор Тоу. Ничем не накрытое и уже разлагающееся.

– Бог мой, – ужаснулся Эддингтон, когда доктор Янг зажег с десяток свечей и отбросил плотную штору с большого и единственного окна, через которое в покойницу ворвался дневной свет.

– Ужасное зрелище, – качнул головой Аттвуд. – Разве что нет трупных червей. Не станем терять времени, господа. Алисдэйр? Приступайте!

Ошеломленный виконт недоуменно уставился на своего учителя.

– Вы видите меня впервые, мой друг? – хмыкнул сэр Валентайн. – Прошу вас.

И он указал рукой на труп убиенной.

– Осмотрите тело. Внимательно. Замечайте любые детали и проговаривайте их вслух. Даже если что-то кажется вам абсурдным – не молчите. Любая мелочь важна и порой способна повлиять на весь ход расследования.

– Но... как? Я же не могу... – бормотал Эддингтон.

– Можете, – веско возразил профессор. – Разве вы не желаете найти убийцу вашей близкой подруги? Или я попросту в вас ошибся?

Последняя фраза, произнесенная из уст члена Лондонского королевского общества, сильно подстегнула амбициозного юношу, который на несколько мгновений потерял самообладание при виде растерзанного тела Элеонор, бесформенно валяющегося на столе. Все еще

с недоверием глядя в глаза доктору Аттвуду, он кротко кивнул, его лицо побледнело, а губы плотно сжались, демонстрируя проявление воли и упрямства. Тейт Янг с интересом наблюдал за тем, как знаменитый ученый воспитывает своего ученика, и не вмешивался.

– Смотрите и изучайте. Каждую деталь, каждую часть тела и орган. Что вы видите, Алисдэйр?

Виконт приблизился к столу. Смерд в комнате беспокоил его уже не так, как созерцание обезображенного тела девушки.

– Что вы видите, Алисдэйр? – голос сэра Валентайна звучал спокойно и вкрадчиво.

Молодой Эддингтон сконцентрировал все свое внимание на трупe. Его руки были напряженно вытянуты вдоль туловища, словно он опасался прикоснуться ими к чему-нибудь.

– Передо мной мертвое тело, – начал говорить он скорее для собственного успокоения, нежели для присутствующих. – Верхние и нижние конечности целы, хотя и сильно повреждены. Правая нога, судя по всему, сломана. Возможно, это случилось в момент бега от неудачного падения.

– Место перелома?

– В районе коленного сустава.

– Почему решили, что это могло случиться при падении? – вопросы доктора Аттвуда звучали четко и хлестко.

– Не вижу следов удара извне.

– Продолжайте.

Казалось, Алисдэйр полностью успокоился, и теперь его взгляд приобрел цепкость и азарт исследователя.

– Брюшная полость имеет многочисленные рваные раны, вскрыта чем-то острым и длинным... похоже на когти зверя... тяжело рассмотреть из-за сильного обезображивания внутренних органов... все как каша... кости ребер с обеих сторон имеют множественные повреждения... переломы, словно девушку сильно били. Хотя нет, если очистить от земляной грязи и ошметков одежды, можно рассмотреть остатки внутренних органов...

– Превосходно. Чего же вы ждете?

– Я помогу вам, – не сдержался Тейт Янг и раскрыл свой чемодан с инструментами.

Аттвуд промолчал.

– Вижу кишечник и печень, – продолжил Алисдэйр, морщась при виде манипуляций доктора графства, который аккуратно вынимал комья грязи и веток с кусками одежды хирургическими щипцами. – Сильно повреждены. На печени странный след...

– Что за след? – сэр Валентайн стоял уже подле ученика и также внимательно осматривал труп Элеонор.

– Похоже на зубы. Укус.

– Зверь?

– Не уверен... не знаю...

– Дальше.

– Разодранный желудок. Кишечник с многочисленными полостными порезами... чем-то острым... странно...

– Что именно?

– На желудке раны рваные, а кишечник будто резали ножом.

– Продолжайте.

– Сердце.

– Следы повреждений?

– Не могу понять... не вижу...

– Ну-ка, Тейт, доставайте его!

Доктор Янг кивнул и огромными щипцами раздвинул грудную клетку без особой сложности, так как ее кости были сплошь сломаны. Затем он скальпелем отделил сердце от аорты и вынул его наружу.

– Что вы видите, Алисдэйр?

– Такой же след от укуса, как на печени, – монотонно прошептал виконт в ответ. – Но как он до него добрался?

– Для чего, по-вашему, сломаны ребра? И кости грудины? Видели, как легко Тейт разомкнул грудную клетку? Дальше.

– Больше ничего. Это все.

– Так ли?

Эддингтон перевел взгляд на шею и голову мертвой девушки.

– У нее сломан шейный позвонок.

– Замечательно! – профессор Аттвуд улыбнулся. – Каковы ваши выводы? Причина смерти? Примерное время?

– Мне сложно сказать...

– Ну же, мальчик мой! Смелее! Вы все увидели своими глазами, а теперь увиденное соедините логикой и дайте свое суждение.

– Профессор, я не могу, – лицо виконта стало еще бледнее. – Все, что я увидел и о чем могу сказать, так это то, что Элеонор убил какой-то зверь. Я не верю, что человек способен на такое!

Несколько секунд сэр Валентайн смотрел на Алисдэйра. Доктор Янг ожидал указаний профессора.

– Ну что ж, – наконец проговорил тот. – Тогда продолжу я. Вы увидели почти все, что вам необходимо, мой мальчик. Но все же кое-что упустили.

– И что же? – приглушенно спросил виконт.

– В подобных случаях самым важным вопросом, который стоит себе задать при исследовании трупа, есть – какова же истинная причина смерти? Вы увидели то, что на поверхности. Из-за сильных повреждений можно утверждать, что кончина наступила как в результате перелома шеи, так и из-за многочисленных колото-режущих ран в области брюшной полости. Верно?

Алисдэйр кивнул.

– Но нам важна истинная причина смерти, – говоря это, доктор Аттвуд продолжал внимательно осматривать тело девушки. – Ну-ка, дорогой друг, дайте-ка мне пинцет и щипцы.

Тейт Янг тут же вложил инструмент в руку ученого.

– Так, посмотрим, – сэр Валентайн принялся аккуратно копаться пинцетом внизу живота покойницы, ближе к тазу.

Около минуты Аттвуд уверенными движениями работал медицинскими инструментами, затем вдруг сильно надавил большим пальцем правой руки на мышцу ноги. Положил инструмент на стол, вывернул сломанную ногу девушки и удовлетворенно хмыкнул. Затем проворно переместился к голове покойной, вначале миллиметр за миллиметром осмотрел кожу на шее и лице, даже покопался в волосах. Потом вдруг взял голову Элеонор в руки и покрутил ее вправо-влево. Оттянул нижнюю челюсть как можно ниже и заглянул в рот.

– Посветите, – приказным тоном сказал он.

Доктор Янг тут же схватил подсвечник и поднес вплотную к своему коллеге.

– Чуть левее, вот так.

Алисдэйр Эддингтон с любопытством наблюдал за своим наставником, отмечая про себя слаженность в его движениях и знание дела. Было видно невооруженным взглядом, что этот высокий, ладно скроенный, широкоплечий обладатель королевской награды и видный член

Лондонского королевского общества имеет огромный практический опыт в подобного рода делах.

– Благодарю вас, мой друг, – произнес Аттвуд, обращаясь к Тейту Янгу, и посмотрел на ученика. – Прежде чем искать что-то, надо знать, что именно ты ищешь.

– Причину, по которой умерла Элеонор?

– Совершенно верно.

– И отчего же она умерла?

– От почти полной потери крови, – твердо заявил сэр Валентайн.

– Но как? – удивился Алисдэйр. – Ведь у нее сломана шея! Зачем тогда...

– ...он сделал это? – закончил за него Аттвуд. – Вопросов еще предостаточно, мой мальчик. И нам предстоит с вами найти ответы на них.

– Я вижу, однако, что кое-какие выводы вы уже сделали, – подал голос молчавший до этой минуты доктор Янг. – Поделитесь же ими.

– С превеликим удовольствием. Подойдите поближе. Вот сюда. Взгляните, – и профессор, вновь взяв пинцет в руки, указал им на паховую часть живота. – Я внимательно осмотрел эту область брюшной полости, а затем обнаружил вот это. Видите? Это подвздошная наружная вена в месте ее соединения с подвздошной внутренней.

– Черт возьми! – воскликнул Янг. – Она разрезана.

– Вот именно! Но как вы догадались докопаться до нее?

– Это логически следовало из цвета кожи, оттенка и сухости внутренних органов. Посмотрите, кожный покров характерно бледен, с очевидным белесо-мраморным оттенком. Вы внимательно смотрели на кишечник и желудок, Алисдэйр! Но вы при этом не посмотрели на почки и не обратили внимания на то, что печень и сердце также бледные. Тусклые и сухие, без наличия крови в них.

– И это означает кровопотерю, – с оттенком стыда за свою невнимательность резюмировал удрученный виконт.

– Правильно. И если вы, мой дорогой друг, – продолжал Аттвуд, обращаясь к доктору Янгу, – отделили сердце от аорты сами, то как еще более эффективно лишить человека крови?

– Перерезав одну из самых больших вен в теле, – ответил за него Тейт. – Учитывая, что яремная цела, подколенные также...

– ...то вариантов немного, – улыбнулся сэр Валентайн. – И я решил тут же осмотреть пах и подвздошные вены жертвы – учитывая то, как яростно и жестоко разворотили ей живот.

– И не ошиблись.

– Кстати, насчет сломанной шеи: я сразу же понял, что это сделано после наступления смерти. Видимо, дабы отвлечь внимание. И вы, мой мальчик, купились на эту уловку.

Вопросительный взгляд Эддингтона был красноречивее слов.

– Посмотрите на кожу вокруг шеи. Вы видите гематому?

– Нет.

– А она должна там быть, если ее умертвили таким образом.

– С бедняжки скачали всю кровь, а когда она умерла – сломали позвонок. Поэтому нет характерных следов.

– Зато они есть на внутренней части сломанного колена. Вот здесь! – и доктор Аттвуд ткнул пинцетом на вывернутую им же ногу покойной. Видите? Элеонор действительно сломала ногу при бегстве, и, как вы верно заметили, Алисдэйр, ее никто сюда не бил. А теперь, господа, самое интересное!

Две пары глаз уставились на сэра Валентайна.

– Как все было, судя по имеющимся у нас фактам. Итак, неделю назад некто похищает Элеонор Тоу. Он держит ее взаперти, издевается и избивает девушку. Ломает реберные кости, одну за другой. Возможно, даже упивается своей жестокостью и ее бессилием. Он готовит ее к

самому главному. Но тут происходит что-то, позволяющее бедняжке вырваться из лап монстра и попытаться бежать. С предполагаемыми увечьями, которые этот нелюдь нанес при ее жизни, вряд ли можно было далеко убежать, но Элеонор была во власти страха за свою жизнь. А это самый сильный стимул для любого живого существа. И самый мощный инстинкт. Как и стоило предполагать, попытка оказалась безуспешной – она, судя по всему, при неудачном падении ломает ногу. Убийца настигает свою жертву и через какое-то время умерщвляет, разрезая подвздошную вену и выпуская кровь. И только после этого он обезображивает труп девушки и уносит его в лес, на то место, где ее и обнаружили.

– Это все? – хмуро поинтересовался виконт. – Но для чего же тогда кровь? И зачем оставлять укусы на органах?

– А это, мой мальчик, весьма важные вопросы, – веско заметил сэр Валентайн. – Я бы сказал – основные.

– У вас есть мнение по этому поводу? – с любопытством спросил доктор Янг.

– Только версия. И она ужасна в сути своей.

– Говорите, не тяните!

Было заметно волнение молодого Эддингтона на фоне все еще не спадающей бледности лица.

– Смеею предположить, что наш монстр спускает кровь, чтобы что-либо делать с ней. Например, пить.

– Пить?! – изумился Тейт Янг.

– Почему нет? Ведь во всем есть хоть какой-то, но смысл. Не бывает абсолютно бессмысленных преступлений. Хотя бы с точки зрения самого убийцы. И если он разрезал вену и совершил кровопускание, следовательно, он руководствовался своей, пусть совершенно безумной, но логикой. Которую нам следует с вами понять. Потому что только так мы сможем остановить его.

– А укусы?

– О! Здесь куда проще! Он пробует.

– Он что делает? – вкрадчиво, не веря своим ушам, уточнил доктор графства.

– Именно пробует, – голос ученого из Лондона звучал совершенно спокойно и серьезно. – Приноравливается вкусить человеческую плоть. Позднее, естественно. Возможно, с кем-то другим.

– Чутье какая-то! Вздор! – возмутился Эддингтон, размахивая руками. – Каннибализм у нас? В Англии?!

– Человеческая похоть, замешанная на безумстве, одинакова в любой точке нашей планеты.

На секунду-другую повисла гнетущая тишина.

– Друзья мои, нам здесь больше нечего делать, – нарушил ее Аттвуд. – Не покинуть ли нам это мрачное место?..

Как и ожидал виконт Норберт Эддингтон, слухи один изощреннее другого поползли по деревне и всему графству. Жители были напуганы, приходской священник увеличил количество служб и молитв за спасение, потому что в каждом из прихожан угнездился страх перед деяниями самого дьявола. Он подкреплялся историями о глубоких, двуногих следах копыт, обнаруженных в Южном Девоне, начиная от Эксмута и вплоть до Топшэма. Этот «дьявольский путь» был длиною не менее 100 миль! Никакие преграды не стали помехой тому двуногому существу, которое этот путь прошло. Ни дома и заборы, ни реки и овраги не останавливали дьявола – его следы находили даже на стенах и крышах домов, на сточных трубах, на входных дверях и где угодно! И о том случае всю трубили самые читаемые газеты Англии, в том числе The Times. Массовая истерия, появившаяся в результате обнаружения этих следов, заразила

почти все графство Девоншир. И теперь виконт не без оснований опасался повторения истории, но с еще более худшими последствиями – ведь если в Эксмуте обнаружили всего лишь следы, то что может произойти здесь, когда наряду с этими «дьявольскими метками» нашли изуродованное тело Элеонор Тоу? Новость уже дошла до епископа епархии графства и, судя по всему, сильно взволновала его. Норберту пришлось написать письмо, в котором он уверял священнослужителя в полном контроле ситуации и немедленном расследовании столь щепетильного преступления. Однако действенного рецепта, как успокоить люд и скорее найти убийцу, у Эддингтона не было, – только надежда на неожиданного гостя из Лондона сэра Валентайна Аттвуда и его близкого приятеля – начальника столичного Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда сэра Галена Гилмора, который немедленно откликнулся на телеграмму и прибыл лично.

Моросил мелкий затяжной дождь, без ветра, но сырость стояла отвратительная. Гилмор за время долгого путешествия в карете изрядно озяб и желал отогреться у камина, о чем не преминул сказать виконту Эддингтону, стоило только войти в замок и предстать перед его обитателями. С его появлением здесь, в «Эддингтон Холле», Норберт почувствовал некое облегчение – теперь вместе с доктором Аттвудом следствием займётся настоящий сыщик из столицы.

– Славно, что вы приехали, мой друг! – прогремел Аттвуд, крепко пожимая руку невысокому щуплому мужчине средних лет, аккуратно одетому и гладко выбритому, за исключением тонких усиков на узком и скуластом лице.

– Не мог упустить случая, когда приглашаете лично вы, – парировал сэр Гален Гилмор с улыбкой.

– Означает ли это, что вы соскучились по моему обществу?

– Это означает лишь то, что дело предстоит быть интересным и важным, если рядом объявились вы!

Оба одновременно засмеялись. Марисса, стоя поодаль и наблюдая за ними, поняла, что несмотря на колкость в сказанном, эти люди давние приятели и уважают друг друга.

– Добро пожаловать в «Эддингтон Холл», сэр Гилмор, – приветливо произнесла Розелин на правах хозяйки и жестом руки пригласила гостя пройти в гостиную, где уже затопили камин.

– Благодарю, миледи.

Там их уже поджидали Алисдэйр Эддингтон, его младший брат Кенрик, Горден Дин и приходской священник Джейкоб Олдридж. На этот раз барона и баронессы Милтон, равно как и их дочери Джиневры, не было. Дворецкий Майрон Фрипп учтиво принял плащ полицейского детектива из Лондона, его цилиндр и трость.

– Господа, я весь внимание! – произнес Гилмор, устраиваясь у камина.

– Сэр Валентайн? – Норберт выразительно посмотрел на ученого.

Доктор Аттвуд, не теряя времени, стал излагать суть происшествия, особо акцентируя внимание на деталях, известных к этому времени. Гален внимательно слушал, не перебивая. Джейкоб Олдридж, высокий и худой мужчина с длинными и тонкими руками, раз от раза осенял себя крестным знаменем в момент, когда ему приходилось внимать столь жутким подробностям преступления, описываемым ученым из Лондона. Причем говорил последний совершенно ровным и, можно сказать, равнодушным тоном, что очень удивляло настоятеля прихода, для которого каждое слово из уст Аттвуда имело сильный эмоциональный окрас. Разве можно с таким спокойствием не то, чтобы говорить, а даже слушать о чудовищном случае растерзания мисс Тоу? Когда профессор окончил рассказ, на короткое мгновение воцарилась тишина – детектив был задумчив и размышлял, тогда как все остальные присутствующие выжидающе смотрели на него.

– Сегодня двадцать шестое апреля. Тело обнаружили двадцать третьего вечером, – наконец подал голос Гилмор. – Аккурат в день вашего приезда сюда. Вы говорите, что запах учуял пес лесника. Точно так же его могли учуять звери. Однако на останках следов укусов диких зве-

рей не обнаружили. Следовательно, пес и лесник их опередили, а раз так, тогда можно предположить, опираясь также на ваши заключения, что жертву умертвили двадцать третьего апреля и при удобном случае отвезли и выбросили в лесу. Раньше не могли, иначе ее порядком подъели бы волки или вепри. А до этого времени девушку шесть дней держали где-то взаперти. Верно?

– Да, – согласился Аттвуд.

– И где же? Это должно быть тихое и малолюдное место. Здесь есть такие?

– Предостаточно, – кивнул Норберт. – Дом того же лесника, например. Или рыбацкая хижина у реки.

– Составьте список, милорд, – то ли попросил, то ли приказал сэр Гален. – Нам необходимо найти это место. Констебль уже опросил свидетелей?

– Я думаю, вряд ли, – покачал головой сэр Валентайн. – Этот бедняга уж слишком растерялся.

– Да он просто глуп! – не сдерживая эмоций, фыркнул Горден Дин.

– Не исключено. Мне необходимо поговорить с ним. А затем я хотел бы допросить этого лесничего Вудроу Додда и родственников девушки. Потом тех, кто близко знал ее. В том числе всех вас.

– К вашим услугам, – выпалил Алисдэйр, за последние дни потерявший хорошее расположение духа.

Гален Гилмор внимательно посмотрел на молодого виконта, но ничего не сказал в ответ.

Когда он остался наедине с доктором Аттвудом, тут же пытливо спросил:

– Вы ведь не все договорили, Валентайн, верно? Там, в гостиной?

– Никогда не сомневался в вашей проницательности, – ответил ученый, слегка поглаживая бородку. – Я действительно утаил кое-что.

– Говорите.

– Наш убийца знает толк в медицине. По крайней мере, он знаком с ней.

– Отчего такой вывод? – глаза инспектора заблестели.

– При осмотре тела я увидел, что вену, из которой спустили кровь, резали не единожды, – веско произнес Аттвуд. – Еще два пореза рядом.

– Но тогда мисс Тоу умерла бы раньше от кровопотери? – удивился Гилмор. – Как такое может быть? И причем здесь знание медицины?

– Эти порезы весьма тщательно заштопаны, мой друг!

– Как?!

– Тонкой иглой и льняной нитью!

– Разве это возможно?

– Практика зашивать раны насчитывает не одну тысячу лет, – сложив руки на груди, сказал сэр Валентайн. – Еще медицина Древнего Египта, по разным свидетельствам, применяла льняные хирургические швы для ран горла, плеча и рук. Однако что касается сосудов в теле человека – здесь несколько иная картина. Главным методом лечения поврежденных вен и артерий традиционно считается обычная перевязка сосудов. Многие умы думали и думают по сей день над наложением швов на поврежденную вену или артерию, но есть мнение, что это неизбежно приведет к так называемому тромбозу в области шва, и впоследствии грозит закупоркой сосуда и смертью. У этой теории есть и противники, например, великий русский хирург Пирогов, проводивший сложнейшие хирургические операции в условиях боевых действий. Он, к слову, полностью опровергает догматическое сегодня мнение о бесперспективности наложения шва на поврежденный сосуд. Мне выпала честь быть знакомым с ним лично и несколько раз дискутировать на важнейшие медицинские темы. А другой выдающийся русский хирург Экк впервые осуществил эксперимент на собаке по сшиванию воротной и нижней полой вен.

– Не совсем понимаю, доктор, – проворчал Гилмор. – Поясните.

– Накладывать шов на поврежденный сосуд – это огромный прорыв в медицине! И наш безумец, который так жестоко истязал бедняжку Элеонор, проделал две такие операции на ней! Представляете? Две!

– Хотите сказать, он экспериментирует? – детектив недоверчиво прищурился.

– Не исключаю такой версии. Для чего тогда зашивать вену дважды?

– Продлить мучения жертвы. Насладиться зрелищем. Или кровью, которую этот безумец выкачивал из нее.

– И эту версию исключать нельзя, – согласился Аттвуд. – Однако то, что он зашивает сосуд, продлевая жизнь своей жертве, уже свидетельствует и о глубоких познаниях в медицине в целом, и об эксперименте русского доктора Экка в частности. Ведь поймите – это может стать великим открытием! Вдруг наш убийца амбициозен и тщеславен? Жаждет войти в историю? Войти в касту хирургов-первооткрывателей?

– Слишком много вопросов возникает в таком случае, – с сомнением в голосе произнес Гален. – Почему здесь, в этом месте? Почему эксперимент сразу на людях и так жестоко, когда можно на животных? К чему тогда кровопускание и уродование тела? Что он делает с кровью? К чему весь этот бред со следами дьявола? Кто именно в этих местах может обладать такими глубокими знаниями медицины, как вы и доктор графства?

– Некоторые ответы могут быть в качестве предположений. А в остальном – не знаю, мой друг. Но чем скорее мы найдем их, тем быстрее поймем безумца...

Джиневра Милтон была в ярости. Она не находила себе места от мысли, что Алисдэйр Эддингтон совершенно не обращает на нее внимания. Подлец! Негодяй! Но... такой милый и желанный! Злость часто и неожиданно для нее самой сменялась нежностью при появлении образа любимого в ее голове. Она представляла себе, как он обнимает ее и чувственно целует в губы. В такие мгновения сладострастная слабость разливалась по всему телу. Ну почему, почему он так жесток и равнодушен? Наступала обида, тут же превращаясь в гнев, от которого лицо покрывалось румянцем. Кулачки Джиневры сильно сжимались, а дыхание учащалось. И так происходило довольно часто, стоило девушке оказаться в собственной комнате наедине со своими фантазиями. С момента приезда виконта из Лондона в «Эддингтон Холл» такие мысли становились все сильнее и навязчивее. От них было очень тяжело избавиться, и практически невозможно контролировать, чтобы они не появлялись вовсе. Она безумно любила Алисдэйра и мечтала только о нем. О той минуте, когда он наконец-то обратит свой взор на нее, а в глазах будет светиться любовь к ней.

Джиневра придирчиво рассматривала себя в зеркале, поворачивая голову вправо-влево. Затем взяла гребешок и принялась расчесывать волосы, делая движения руки, быть может, чересчур резкими и порывистыми. Из-за того, что молодой виконт не замечал ее красоты, она уж и сама стала отмечать изъяны в своей внешности, от которых портилось настроение. Ей все чаще казалось, что нет в ней никакой красоты. Вот, к примеру, в уголках глаз появились едва заметные морщины. Боже, как они уродуют ее глаза! А волосы? Джиневра с силой провела гребешком по густым прядям и затем поднесла его к лицу. Столько волос застряло между зубцами! Да она линяет, словно шелудивый пес! В раздражении сняв пучок волос с зубцов гребешка, баронесса подошла к комоду. Достала с верхней полки фарфоровый горшок, в котором уже лежали ее волосы после предыдущих расчёсываний, положила пучок внутрь и закрыла горшок крышкой. Вернулась к зеркалу и снова посмотрела на свое отражение в нем.

– Джинни, девочка моя? Где ты?

Слегка слащавый голос мамы заставил Джиневру скривиться – она терпеть не могла, когда ее так называли, вдобавок еще и таким приторным тоном, от которого буквально воротило изнутри. Особенно в такие минуты, когда на душе было беспокойно и томительно больно от мыслей, что ее девичье счастье одновременно так близко и так далеко от нее.

– Я здесь, мама! – все же прокричала она и вздохнула.

Послышались звуки шагов по лестнице, и в комнату вошла баронесса Милтон.

– С тобой все в порядке? Почему ты снова закрылась в своей комнате? – сложенные руки на груди и пытливый взгляд не предвещали разговора о чем-то приятном.

– Все нормально, мама, – как можно спокойнее ответила Джиневра, глядя на себя в зеркало и поправляя минутой ранее расчесанные волосы.

– Зачем ты говоришь мне неправду? Я же все прекрасно вижу – стоило только появиться здесь этому молодому гуляке, как ты вновь сама не своя!

– Мама! Не говори так о нем!

– А как еще о нем говорить? – вкрадчиво произнесла Уитни Милтон, затем сделала несколько шагов вглубь комнаты и грациозно присела на кровать чуть в стороне от дочери. – Я очень хорошо знаю их породу. Норберт в молодости таскался по девкам, равно как и его отец Хамиш. И вот теперь Алисдэйр проявляет исконно мужское качество всех Эддингтонов. А ты, глупышка, сохнешь по этому бабнику!

– Да хватит же! – взвилась Джиневра, бросая гребешок на стол. – Неужели тебе доставляет удовольствие говорить мне все эти гадости?

– Отнюдь, – с безупречным спокойствием возразила баронесса. – Я просто хочу тебя образумить.

– Неужели?! За что ты так ненавидишь его?

Руки Джиневры были крепко сжаты в кулачки, ее глаза сверкали от возмущения и переполнявших эмоций.

– Ошибаешься, девочка моя. Нет никакой ненависти, – на какое-то мгновение по лицу Уитни пробежала тень презрения, однако тут же испарилась, уступая место маске сдержанности и напускного безразличия. – У меня больше опыта и информации, которая позволяет мне делать такие выводы. И основываясь на них, я хочу тебя уберечь.

– От чего? Это всего лишь твои фантазии! Алисдэйр не такой, и те слухи, на которые ты опираешься, – также всего лишь слухи!

– Бог мой, какая же ты глупышка!

– Не говори со мной, как с дурочкой! – Джиневра вскочила на ноги, ее дыхание участилось.

– И не собираюсь, – баронесса также встала с кровати. – Ибо ты ею и являешься! Неужели ты не понимаешь, что безразлична ему? Ведь он даже не смотрит в твою сторону! Или думаешь, у него в Лондоне мало девиц, которые с легкостью дадут ему то, что он пожелает?

Гнев резко сменился отчаянием. Джиневра и сама не раз думала об этом, но в силу своей любви гнала подобные мысли прочь из своей головы. Однако они с регулярным постоянством возвращались, и теперь не без помощи «добрейшей» маменьки. Слезы потекли из глаз девушки, она закрыла лицо руками и зарыдала, уже совершенно не сдерживая нахлынувшую обиду. Где-то внутри стало очень больно и безумно жалко саму себя.

– Джинни, девочка моя, – вновь немного приторная тональность и нотки показной жалости, что раздражало еще больше. Ведь Джиневра знала жестокий характер своей матери и ее уникальную способность наслаждаться чьим-то горем или душевными муками.

– Хватит так называть меня! – закричала она и выбежала из комнаты.

Быстро спустившись по лестнице, Джиневра выбежала из дома, чувствуя, что ей больше невозможно находиться в нем. Скрывшись в любимом уголке сада, она продолжала плакать и злиться на мать одновременно. За ее жестокую правоту. Кое-как успокоившись по истечении непродолжительного времени, Джиневра решила развеяться и прогуляться улицами деревни, тем более, что скоро она увидит своих подруг Бетси Тернер и Мариссу Эддингтон. Надежда на то, что последняя сможет вскользь упомянуть что-либо обнадеживающее о своем старшем брате, была маленькой, но все же была. И она придавала сил, даже какой-то скрытой веры,

что еще не все потеряно, что еще может произойти нечто, и судьба соблаговолит подарить ей возможность быть рядом с любимым. Хотя сама Милтон прекрасно понимала, что Марисса втайне завидует ее красоте и не желает видеть ее рядом с Алисдэйром в силу этой зависти, скрыто наслаждаясь ее страданиями. Дурочка! Пусть лучше присматривает за своим мужем Ройлом Фармером, пропахшим свежеспеченным хлебом.

Джиневра пошла тихой центральной улочкой в сторону парка, располагавшегося вдоль реки. Долгий и скучный дождь наконец прекратился, оставляя после себя сырую прохладу и грязные, местами со скоплением воды, улицы. Многочисленные ручейки текли по мостовой, унося с собой земляную жижу. Проходящие мимо люди вежливо приветствовали девушку, которая грациозно кивала в ответ, уже окончательно успокоившись после очередного неприятного разговора с мамой. Подобрал подол платья повыше, чтобы не испачкать его, Джиневра Милтон аккуратно переступала через лужи и островки намытой грязи. Из кузницы раздавались мерные удары молота о наковальню, мимо нее по мостовой проскакал всадник, торопясь куда-то и совершенно не заботясь о разлетающихся брызгах из-под копыт его скакуна, а из таверны на площади доносился гомон уже изрядно подпитых голосов, которые, как всегда, живо обсуждали очередную пикантную тему, коротая время за кружкой доброго эля. Не стоило обладать большим умом, дабы догадаться, что таковая была об убийстве Элеонор Тоу и Сатане, разгуливающим по окрестностям графства и оставляющим следы на земле. До встречи с подругами оставалось еще много времени, и Джиневра, дав волю своему любопытству, решила как можно ближе подойти к таверне и послушать, о чем именно толкует народ. Вдруг услышит что-нибудь пикантное и сможет поделиться этим с Мариссой и Бетси.

– А я тебе и говорю, что никакой это не дьявол! – услышала девушка, когда оказалась неподалеку от настежь распахнутых окон и дверей питейного заведения.

– А кто же тогда следы в лесу оставил? А?

– Жenuшка твоя толстозадая! – гоготнул третий голос, чем вызвал всеобщий смех.

– Иди к черту!

– Все просто, – продолжал первый. – Элеонор, царствие небесное, очень красивая...

– Была.

– А... ну да... была. Вокруг нее парни так и вились. Вот у кого-то нервишки и не выдержали – убил бедняжку в приступе ревности.

– Так просто?

– А чего тут сложного? Только дубина констебль – сущий размазня! Прижми каждого, да покрепче, у виноватого нервишки и не сдюжат!

– А... ик... следы? – вопрошающий, видимо, был уже хорошо подпитым.

– Тьфу ты, черт! Да зверь какой пробежал! Мало ли чего? А вы, олухи, в эти басни верите!

– Но девчонку изрядно подрали, – вставил другой голос. – Слыхали? Все брюхо выпотрошили, как требуху у рыбы! Скажешь, из-за ревности? На кой черт так кромсать? Штрыкнул пару раз, и дело с концом. Ан нет!

– Да кто его знает! Может, псих какой-то!

– Последнее время ее видели с Селби. Вроде как они встречались.

– Хочешь сказать, что это он?

– А почему нет? Про молодого виконта, наверное, знаете? Ну, что он также долго дружбу с Тоу водил?

– И чего?

– А ничего! Он пару недель как вернулся уже.

– Сынишка Норберта? Славный малый! К чему клонишь? Что это он убил?

– Совсем рехнулся! Кончай налегать на кружку, раз такую чепуху несешь! Я просто сказал, что он вернулся из Лондона, а Элеонор влюблена в него...

– Была.

– А... ну да... была. Может, они это... ну снова... того. А Селби заревновал.

– Так это Селби ее убил?!

– Да мне почем знать! Но мог же! Из ревности.

– Если каждую вот так резать только из-за того, что она водит дружбу с молодым Эддингтоном, – то это чего? Пол графства перерезать надо?

Лицо Джиневры покраснело от стыда и возмущения. Пьянчуги! Да как они смеют говорить такое?! О нем! О ее Алисдэйре!

– Не мели чепуху! Парень он хороший и добрый. Мне вон помог однажды – век помнить буду. Если бы не он, то мой сынишка вполне мог бы червей в земле кормить! Вылечил он его.

– А что же доктор Янг? Не смог?

– Далеко ехать было. А тут виконт Алисдэйр. Ну и помог.

– Да я ж и не говорю, что он плох! Славный малый! Сына вот твоего спас. Но разве это мешает ему совать свой кол под каждую симпатичную юбку?!

Все вновь громко захохотали, а Джиневра Милтон была готова прямо сейчас ворваться в таверну и собственноручно придушить этого говорливого пьяницу, посмевшего оскорблять ее Алисдэйра.

– Тебе хватит пить. За языком не следишь. Ты, что ли, свечку при нем держал?

– Люди толкуют!

– Такие, как ты, – глупые болтуны – и толкуют! Только слушки всякие грязные распускаете!

– Это ты меня глупцом назвал?! – зарычал голос в ответ.

И Джиневра поняла, что пора уходить, ибо сейчас здесь начнётся драка, а это было уже не интересно. Понемногу серело, хмурые тучи над головой предвещали очередной ливень, но это не остановило девушку, и она двинулась дальше в сторону реки. Свернула на узкую и безлюдную улочку, сокращая путь. Улочка с площади вела прямо к парку, где Джиневру уже наверняка поджидали Бетси Тернер и Марисса Эддингтон. Здесь было гораздо темнее – то ли вечер наступал так быстро, то ли грозовые облака плотно заволокли небо, не давая воли слабому, пока еще дневному свету. Вдруг из-за ближайшего угла метнулась чья-то тень, и кто-то крепко схватил девушку за руку. От неожиданности сердце буквально остановилось в груди, а все ее тело замерло – комок ужаса подкатил к горлу, мешая крику вырваться наружу...

В то время, как инспектор Гален Гилмор в полицейском участке с едва скрываемым раздражением слушал заплетающуюся речь полноватого констебля, доктор Аттвуд решил поговорить с родственниками убитой Элеонор Тоу.

– Не станем терять время, – согласился Гилмор. – Идея разделить кажется мне вполне уместной. Так мы быстрее поймаем безумца.

– Благодарю, Гален.

– Бросьте, Валентайн! Я вас слишком хорошо знаю, чтобы нисколько не сомневаться в ваших способностях. Жаль, что вы не работаете в Скотленд-Ярде!

Сменив костюм, профессор предложил Алисдэйру сопровождать его. Виконт был польщен тем, что ему выпала честь столь долгое время пребывать в обществе знаменитого ученого и на ходу перенимать его опыт. Норберт Эддингтон совершенно не возражал против участия сына в расследовании, наблюдая в этом своеобразное предзнаменование свыше для будущей карьеры наследника. Горден Дин тихо завидовал и злился оттого, что его персона остается незаметной для них, а Кенрик вовсе страдал скукотой и равнодушием.

– Вы ведь хорошо знаете семейство Тоу, не так ли? – как бы невзначай поинтересовался доктор Аттвуд, когда они с виконтом сели в карету.

– Намеряете на мою дружбу с Элеонор?

– Нисколько.

- Да, мне кое-что известно о них.
- Пока мы держим путь – расскажите. Возможно, мне пригодятся ваши знания в разговоре с ними.
- Ну что ж, – Алисдэйр с неохотой вздохнул. – Отец-плотник, мать-швея. Элеонор их первая и единственная дочь. Когда мы были еще детьми, у них родился второй ребенок, мальчик. Мертвым. После этого миссис Тоу больше не предпринимала попытки родить. Всю свою любовь они дарили дочери. Я это хорошо помню, не раз бывал у них в гостях.
- Виконт, не задумываясь, переступал порог дома простолюдинов? – с улыбкой поинтересовался Аттвуд.
- Представьте себе. Мы были дружны, и я совершенно не обращал внимания на эти условности. Мистер и миссис Тоу всегда были рады мне, они всегда отличались радушием и добротой.
- Вам недоставало семейного тепла? – вдруг, чуть прищурившись, спросил сэр Валентайн. – И поэтому вас тянуло в их дом?
- С чего вы взяли? – мгновенно выпалил Алисдэйр и заерзал на месте. – Вовсе нет. Его ответ был поспешным, что не ускользнуло от внимания доктора.
- Других родственников у Тоу нет?
- Я слышал о двоюродном брате миссис Тоу, но ни разу не встречал его. Даже не знаю, живет ли он здесь или где-то в другом месте.
- А Элеонор? Какая она?
- Алисдэйр смущенно кашлянул.
- Красивая, – произнес он. – Смышлённая. С ней было всегда интересно общаться. Она любила учиться. Хотела уехать отсюда.
- В Лондон?
- Откуда вы знаете? – удивился Эддингтон.
- Не трудно догадаться. Там же учитесь вы.
- Простите, профессор, но...
- Перестаньте смущаться, мальчик мой, – произнес Аттвуд, глядя юноше прямо в глаза. – Я и без ваших ужимок знаю, что Элеонор любила вас. Судя по всему, и вы ее тоже. По меньшей мере, до вашего поступления в университет, ведь так?
- Секунду спустя Алисдэйр кивнул.
- Хорошо. В этом нет ничего предосудительного. Вы не задумывались над вопросом – почему она?
- Она? Почему ее убили?
- Да. Почему она стала первой жертвой.
- А разве есть еще?
- Нет. Пока нет, но это отнюдь не говорит о том, что она не первая.
- Не знаю, – тихо ответил виконт. – Признаться, я и не желаю думать об этом.
- Понимаю, – сочувственно склонив голову набок, сказал доктор. – С кем еще водила дружбу Элеонор?
- Немного с Бетси Тернер.
- Кто это?
- Простолюдинка. Но ее отец весьма состоятельный. Торгует всякой всячиной. Марисса, моя сестра, также дружит с ней. И, кстати, Джиневра Милтон тоже.
- Но Элеонор с ними не общалась?
- Изредка. Она вообще была очень спокойная и иногда даже слишком... тихая девушка. Для нее быть одной куда лучше, чем в компании. Хотя сказать, что она была малообщительна, я не могу. Она как-то быстро могла менять свое настроение – от сильного желания одиночества до неумного стремления к общению в компании.

– Очень интересно.

– Вы думаете? – спросил Эддингтон. – Это поможет найти убийцу?

– Любая деталь может изменить ход мысли и привести к преступнику. Судя по всему, мы приехали.

Карета остановилась прямо на мостовой у небольшого аккуратного домика. Первым вышел доктор Атвуд, за ним Алисдэйр...

Бетси Тернер и Марисса Эддингтон неспешно прогуливались по парку у берега реки. Небо, укрытое облаками, предвещало дождь.

– Ну где же ее носит? – недовольно фыркнула Бетси, которая терпеть не могла ждать.

– Ей не впервой, – спокойно произнесла Марисса.

С каждой минутой становилось темнее – наступал вечер.

– Может, пойдем на площадь? Там сегодня будет шумно.

– В честь чего?

– А то ты не знаешь, – удивилась Тернер. – Да сейчас только все и обсуждают смерть Элеонор и дьявольские метки в лесу! А еще говорят, что у вас гостит какое-то светило из Лондона, и что он пригласил инспектора из лондонской полиции, так?

Глаза девушки пытливо уставились на Мариссу, которая чувствовала легкую неловкость из-за того, что сама не рассказала подруге эту новость.

– Да. Это учитель Алисдэйра. Он случайно ехал мимо и остановился у нас, а тут... это убийство.

– Убийство? Люди говорят, это сам дьявол постарался!

– Не мели чепуху!

– Это я то?!

– Элеонор убили. И убил человек.

– Тебе это от вашего ученого известно? На то он и ученый, чтобы не верить в дьявола.

А я вот верю! И люди верят!

– Бетси!

– Что?

– Мне почем знать, что на самом деле произошло. Из Лондона приехал инспектор, они вместе с доктором Атвудом расследуют это убийство по просьбе папы.

– И чего же ты молчала?

– Не успела сказать раньше, – ответила Марисса. – И правда, где же Джиневра?

– Небось к твоему братцу подход ищет! – и Бетси засмеялась, довольная сказанным.

– Если так, то зря – он к ней равнодушен, – говоря это, Марисса чувствовала удовлетворение, потому что недолюбливала эту напыщенную, как ее мамаша, баронессу.

Вдруг на крыше церкви зазвонил колокол. Его звук был очень громким и разносился далеко за пределы деревни.

– Наверное, что-то случилось, – пробормотала Марисса.

– Побежали на площадь! Там узнаем!

– А Джиневра?

– Может, она уже там!

И девушки быстрым шагом направились по тропинке в сторону церкви. Туда со всех улочек собирался люд. Когда они оказались на площади, то вначале не могли понять причину, по которой звонил колокол. Бетси Тернер и Марисса Эддингтон протискивались между людьми ближе к центру – здесь царил полная неразбериха. Колокол продолжал звонить, на площади стоял невообразимый гомон.

– Кто-нибудь знает, что случилось? – крикнула Бетси в шумевшую толпу.

Мужчины и женщины оборачивались на ее крик – одни пожимали плечами, другие делали вид, что не услышали, третьи выкрикивали что-то неразборчивое.

– Говорят, пропал кто-то, – прокряхтела какая-то грязная старуха совсем рядом, опираясь на уродливую клюку. – Наверное, дьявол забрал очередную бесстыдницу! Ха-ха-ха!

И она закудаhtала противным, гортанным смехом...

Дом семьи Тоу оказался маленьким, но очень уютным и светлым. Переступив порог, Аттвуд воочию убедился, что маленького Алисдэйра сюда тянуло в детстве не зря – здесь действительно царил некая атмосфера доброты и радушия. Запах тимьяна приятно щекотал нос, чистота и порядок вокруг. Чувствовалась рука хозяйки, которая из каждой мелочи умела создать семейный уют. Тут же кольнула жалость к стоявшим перед ними мужчине и женщине, чьи лица были мрачными и осунувшимися от горя. Теперь им некому было дарить любовь в этом доме, который вскорости может превратиться для них в пристанище душевных страданий и мук.

– Прошу нас простить за неожиданный визит, – молвил сэр Валентайн после того, как представился. – Я бы хотел поговорить с вами о вашей дочери. Сочувствую вашей утрате.

Он вежливо склонил голову. В глазах матери Элеонор появились тихие слезы.

– Доктор Аттвуд у нас проездом из Лондона, – немного смущенно вставил Эддингтон. – И вызвался найти того, кто это сделал. Он попросил инспектора из Скотленд-Ярда помочь. Сэр Гален Гилмор уже расследует... преступление.

– Проходите в дом, – голос мистера Тоу звучал глухо и устало, казалось, эмоции полностью оставили его.

Мать Элеонор едва держалась, чтобы вновь не расплакаться, и молча посторонилась, пропуская гостей внутрь дома.

– Вы придете на похороны моей девочки? – тихо и неожиданно для всех спросила она, когда гости сели на предложенные им стулья.

– Да, миссис Тоу, – тут же ответил Алисдэйр, и женщина разрыдалась, больше не в силах держать горе внутри себя.

Мистер Тоу тут же вскочил на ноги и направился к графину с водой. Молча налил воду в стакан и подал своей супруге, которая принялась жадно пить. Звон церковного колокола разразился в тишине, но никто не обратил на него внимания.

– Простите меня, – всхлипывая, сказала женщина по прошествии нескольких минут. – Я никак не могу поверить в то, что Элеонор больше нет с нами.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Аттвуд. – Если вам тяжело, я могу приехать в другой раз...

– Не стоит, – решительно ответил мистер Тоу. – Вы здесь, чтобы отыскать это животное, что сотворило такое с нашей дочерью. Мы будем до конца своих дней обязаны вам, если вы найдете того, кто это сделал.

– Это дьявол... – прошептала мать Элеонор. – Это сам дьявол!

– Ошибаетесь, – возразил сэр Валентайн. – Это сделал человек.

– Какой человек способен на такое? – удивленно вскинула влажные от слез веки вверх миссис Тоу. – Люди говорят о Сатане, о следах в лесу и у пруда, откуда пропала Элеонор.

– Пока что это всего лишь следы. И они не являются прямым доказательством сверхъестественных явлений, о которых твердят все вокруг. Я знаю и уверен в том, что это деяния рук человека – такого же, как мы с вами.

– Это не человек! Это зверь!

– Согласен с вами. Нормальный, психически здоровый человек такого не сделает. Поэтому я считаю, что вашу дочь убил сумасшедший, преследующий одному ему известную цель.

Алисдэйр не сводил взгляда с доктора Аттвуда, который говорил все это совершенно спокойно, будто читал очередную лекцию своим студентам.

– Какой смысл во всем этом? – сомнительно покачал головой мистер Тоу. – Зачем убивать ни в чем не повинную девочку?

– Я тоже хочу это знать. И вскоре выясню. Но для этого мне нужна ваша помощь.

– Чем же мы можем помочь вам? – миссис Тоу, казалось, немного успокоилась.

– вспомните тот день по минутам. С самого утра. Что делала ваша дочь, о чем говорила, каково было ее настроение, куда она отлучалась, почему пошла на озеро. Мне важна любая деталь. Я хочу понять ее поведение.

– Но разве это важно? – удивился мистер Тоу.

– Более чем, – веско ответил сэр Валентайн. – От того, как себя вела Элеонор, я смогу попытаться понять мотивы убийцы.

Мужчина и женщина переглянулись.

– Рано утром проснулась как обычно, – начал говорить отец Элеонор. – Она всегда поднимается очень рано, на рассвете. Ничего такого мы не заметили – все как обычно. Помогла покормить живность, приготовить завтрак.

– Ее ничего не беспокоило? Может, она волновалась?

– Да нет...

– Что нет? – прервала миссис Тоу. – Она порхала как бабочка! Была словно на иголках!

– О чем ты?

– Да о том же! Почему она потащилась на это озеро?

– Чтобы встретиться с молодым человеком по имени Селби? – поинтересовался Аттвуд.

– Может, и с ним, – странный ответ миссис Тоу удивил доктора. – Понимаете, – продолжала она, – Элеонор и до этого встречалась с ним, но никогда так не волновалась, как в тот день. Я женщина и понимаю, о чем говорю, а муж никогда на такое не обращает внимания.

– Хотите сказать, что ваша дочь могла встречаться с кем-то еще?

– Могла. Иначе она не была бы так весела и счастлива, как в тот... тот злополучный день... – слезы вновь появились в ее глазах.

– Прошу вас, успокойтесь, – Аттвуд аккуратно взял ее за руку, чем искренне удивил Алисдэйра. – То, что вы сейчас сказали, очень важно, понимаете?

Миссис Тоу кивнула.

– вспомните, может, она говорила что-то непривычное для ваших ушей? Или даже обмолвилась о имени человека, с которым собиралась встретиться?

– Да... нет вроде... даже наоборот, – больше помалкивала и постоянно улыбалась.

– Сказала, все скоро изменится, и она уедет, – вдруг буркнул мистер Тоу, хмуря брови.

– Вы это точно слышали?

– Да. Тебя тогда не было рядом, – пояснил он супруге, видя ее вопросительный взгляд. – А я пропустил это мимо ушей, не придав значения.

– Почему? – вдруг вырвалось у Алисдэйра.

– Она частенько мечтала о том, как уедет в Лондон, – и мужчина многозначительно посмотрел на виконта, а тот смущенно потупил глаза. – Только теперь вспомнил и понимаю, к чему она клонила.

– Больше ничего не упоминала? – продолжал настойчиво спрашивать доктор Аттвуд.

– Больше ничего.

Звук копыт и скрип каретных колес отвлек их от беседы.

– Кого еще принесло? – пробормотал мистер Тоу, вставая со стула. И тут же раздался громкий стук в дверь. Мужчина отворил ее.

– Я знал, что застану вас здесь! – пробасил Гален Гилмор, бесцеремонно переступая порог дома. – Собирайтесь! У нас очередное похищение. Пропала девушка. Народ собирается на площади. Боюсь, как бы не произошло худшее...

Виконт Норберт Эддингтон чувствовал себя подавленным. Он прогуливался в саду в одиночестве, и его одолевали неприятные мысли, связанные с жестоким убийством Элеонор Тоу. И самая страшная из них заключалась в том, что малообразованный люд слишком уж верит всяким небылицам, легко возбудим и так же легко готов на расправу. А это влечет за собой волнения толпы, неконтролируемые и опасные своей непредсказуемостью последствий. Тогда справиться с гневом людской массы будет очень сложно до тех пор, пока она не получит свое. Месть. За убийство невинной девушки. Он бы и сам не прочь поскорее отыскать этого монстра в человеческой шкуре да поскорее судить его. Но именно что судить. По законам Англии, а не толпы, хотя иногда эмоции брали верх, и Норберт в какие-то мгновения даже желал немедленной и жестокой казни для убийцы, чувствуя некую солидарность с жителями графства. Хвала Всевышнему, что он в такие тяжелые минуты послал ему этого профессора из Лондона, а тот, в свою очередь, пользуясь личными связями и весомым авторитетом в столице, пригласил инспектора Гилмора. Вся надежда на них – их ум и опыт, которые должны способствовать скорейшей поимке преступника. В том, что такое ужасное деяние совершил человек, Норберт совершенно не сомневался, доверяя науке. И несколько не верил в рассказы о Сатане, посетившем их места после Эксмута.

Сложив руки за спиной, Эддингтон медленно шагал вдоль яблонь, бесцельно пиная мелкие камешки, которые попадались ему на пути.

– Милорд!

Норберт оглянулся. К нему быстро шагал Майрон Фрипп. Только когда он приблизился, виконт заметил, что дворецкий сильно возбужден.

– Что случилось? – спросил он, а чутье подсказывало, что случилось что-то очень серьезное. Неужели еще одно убийство?

– Милорд, прошу простить, что отрываю вас от прогулки. В замке посыльный от барона Милтона.

– Говори же! Не тани!

– Я не все разужнал, милорд. Будет лучше...

Жесткий взгляд виконта оборвал речь учтивого дворецкого, который тяжело вздохнул:

– Вас срочно просят приехать. Что-то произошло с их дочерью Джиневрой.

– Господь всемогущий! – Норберт на мгновение прикрыл глаза. Затем, когда веки открылись, в его взоре читалась ярость. – Она жива?

– Я больше ничего не знаю, милорд, – ответил Майрон Фрипп вдогонку быстро идущему к замку Эддингтону.

– Срочно карету! – приказал виконт. – Я еду к Милтонам...

Новость о похищении ошеломила родителей Элеонор Тоу. Они на себе испытали весь этот ужас от начала до конца, и теперь с полным пониманием относились к таким страшным словам, искренне сочувствуя о случившемся.

Аттвуд и Эддингтон-младший, не теряя времени, вскочили на ноги и, извинившись за беспокойство, покинули дом Тоу.

– Констебль, надеюсь, уже на площади, – проронил на ходу инспектор Гилмор. – Но нам следует поторопиться.

– Есть подробная информация о происшествии? – спросил Алисдэйр, открывая дверцу кареты.

– Мне самому толком ничего не известно. На месте все и выясним.

Первой с места рванула карета сэра Галена, за ней та, в которой ехали доктор Аттвуд и молодой виконт. Ночная темнота окутала деревню, становилось зябко и накрапывал мелкий дождь. Деревья вдоль дороги выделялись черными пятнами, а свет луны иногда пробивался сквозь плотный завес облаков.

– Н-н-но! Пошли, родные! – орал кучер, подхлестывая коней плетью.

Алисдэйр молчал, пялясь в окошко. Карету сильно шатало, и им обоим приходилось держаться руками за боковые поручни. Сэр Валентайн был задумчив. До самой площади оба не проронили ни звука. Когда лошади остановились, доктор и виконт выпрыгнули из кареты.

– Толпа уже собралась, – прокомментировал Гилмор, показывая рукой вперед. – Будет жарко!

– Вам придется успокоить их, мой друг, – произнес Аттвуд. – Вы представитель власти из Лондона, вас послушают.

– Надеюсь на это.

– Уверен, так и будет. В первый раз.

– А, не приведи Господь, если придется успокаивать толпу во второй?

– Тогда я и пенни не дам за успех такого мероприятия, – на лице доктора заиграла улыбка.

Гален засмеялся:

– Вы умеете подбодрить, Валентайн! Идемте же!

Трое мужчин решительно направились на центральную площадь. Пробираясь сквозь плотно стоящих людей, Гилмор заметил нерешительного констебля, пытающегося что-то говорить, но его никто не слушал.

– Я так и знал, что мой коллега куда увереннее чувствует себя со стаканом виски в руке, чем здесь при исполнении! – крикнул он Аттвуду. – Эх, черт подери! Знать бы еще точно, что же именно случилось!

– Сейчас и узнаем!

Пробравшись, наконец, к констеблю, который, не скрывая облегчения, принялся трясти руку ученого и Алисдэйра, Гилмор оценивающим взглядом обвел толпу.

– Прошу тишины! – вдруг резко и очень громко заорал он. – Я инспектор Гален Гилмор, начальник столичного Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда! И я буду говорить с вами!

– Какого дьявола вас прислали из самого Лондона?! – выкрикнул кто-то.

– Не поминай дьявола всуе, кретин! – громыхнул чей-то голос рядом. – Мало тебе его?

– Это не столь важно сейчас! – выкрикнул сэр Гилмор. – Важен повод, по которому вы собрались здесь!

В то время, как инспектор говорил с людьми, к ним пробрался Джейкоб Олдридж, настоятель прихода.

– Святой отец, это Сатана орудует в наших краях?! – вопрошающе заорал кто-то из толпы.

Гален обернулся и кивком головы поприветствовал священника.

– Помогите мне успокоить их, – сказал он.

– Братья и сестры! – выкрикнул Олдридж. – Инспектор Гилмор приехал специально, чтобы расследовать преступление! Давайте же выслушаем его!

– Говори! – раздались крики из толпы. – Пусть говорит!

И сэр Гален продолжил, желая образумить людей...

Барон Милтон уже поджидал Норберта Эддингтона, переминаясь с ноги на ногу в томительном ожидании. Когда карета подъехала к дому, он буквально соскочил со ступенек крыльца и лично открыл дверцу.

– Что произошло, Олдос? – обеспокоенно спросил виконт, выпрыгивая из кареты.

– Пойдем скорее! В дом! – он схватил друга за рукав и буквально потянул внутрь.

– Черт возьми, вы можете ответить на мой вопрос?!

– На мою девочку напали, Норберт! Прямо посреди центральной улицы! Уму непостижимо!

– Кто напал?

Барон буквально взлетел по лестнице на второй этаж дома, и виконт едва поспевал за ним.

– Я не знаю. Слава Всевышнему, что Джинни жива! И смогла сбежать!

– Так она здесь?

– Да. С ней Уитни.

– Так какого черта столько паники, Олдос?! – искренне возмутился Эддингтон.

Барон Милтон остановился перед входом в спальню Джиневры и резко обернулся. Его глаза излучали недоумение и страх одновременно.

– Как ты такое можешь говорить, Норберт? Речь идет о моей дочери, неужели ты не понимаешь?! Ее могли похитить как... как Элеонор и... убить!

– Прости, – примирительным тоном произнес виконт. – Нервы сдают. Я ведь тоже подумал, что ее ожидает судьба той девочки. Мы войдем?

– Ах да! – барон открыл дверь. – Мы дали ей успокоительное и послали за доктором Янгом.

Оба вошли в спальню. На кровати полностью одетая сидела Джиневра, слегка качаясь взад-вперед. Ее глаза смотрели в одну точку, чем создавалось впечатление отрешенности.

– Оставьте нас, – проронил Милтон служанке, и та мгновенно ретировалась из комнаты.

Баронесса сидела на стуле возле дочери и держала ее за руку.

– Как она? – спросил Норберт, подходя ближе.

– Ей надо время, чтобы прийти в себя, – ответила Уитни.

– Она рассказала вам что-либо? Кто на нее напал?

– Сказала, что просто напали, но она смогла убежать, – ответил Олдос, сложив руки на груди. – Бормотала, что ее хотят убить, как Элеонор. Мы не стали дальше мучить ее вопросами. Вы же видите, в каком она состоянии.

Дверной колокольчик оповестил о приезде доктора Тейта Янга, который, не мешкая, избежал по лестнице и вошел в спальню.

– Здравствуйте, господа, – произнес он. – Здравствуй, Джиневра.

Говоря это, Тейт подошел к девушке вплотную и присел на корточки подле нее. Уитни встала со стула, освобождая место доктору, и отошла чуть в сторону.

– Здравствуй, Джиневра, – повторил Янг, беря ее за руку и прощупывая пульс.

Глаза девушки безразлично посмотрели на него.

– Здравствуйте, доктор, – вяло ответила Джиневра.

– Как ты себя чувствуешь?

– Меня хотели убить, – прошептала она в ответ.

– Вы давали ей успокоительное? – обернувшись к баронессе, поинтересовался Тейт.

– Естественно. Девочка была буквально не в себе.

– У нее шок, и, судя по всему, вы переборщили с каплями.

– Я не меньше вашего знаю, что и сколько давать, доктор, – недовольно фыркнула баронесса.

– Уитни! – укоризненно осадил ее Милтон.

– Что? Что ты хочешь сказать? Что я ни черта не смыслю в лекарствах?!

– Перестань!

– Я думаю, всем надо успокоиться, – сказал Норберт. – Это нервы. И мы мешаем доктору делать свое дело.

– Благодарю, милорд. Я бы и впрямь был благодарен, если бы вы все оставили нас одних.

– Резонно, – согласился Эддингтон. – Когда с ней можно будет поговорить?

– Постараюсь привести ее в чувство как можно быстрее.

– Тогда я пошлю за доктором Аттвудом и сэром Галеном Гилмором. Уверен, им есть о чем побеседовать с Джиневрой.

Когда виконт выходил из комнаты вслед за Милтонами, внезапно раздался громкий звон церковного колокола...

Сэр Гален Гилмор с каждой секундой говорил все вдохновеннее и увереннее, активно жестикулируя руками. Он преследовал одну-единственную цель – успокоить взбудораженную толпу и не допустить массовых беспорядков. Люди слушали его, изредка выкрикивая вопросы, на которые инспектор тут же красноречиво отвечал.

– У вашего приятеля талант, – восхищенно заметил Алисдэйр.

– Ему не впервой доносить слово закона в массы, – подтвердил доктор Аттвуд. – Просто он как никто иной знает цену человеческому безумию, особенно когда оно проистекает из обуреваемой гневом толпы.

– Заметно.

– Инспектор! – заорал кто-то. – А как быть с Агатой Абрамсон? Ее не видели уже более суток, и дома она не появлялась!

– Да! Что нам делать?! Ждать?! – поддержал другой под вновь нарастающий гул возмущенного народа.

– Тише! – прикрикнул Гилмор, поднимая правую руку вверх. – Мы будем искать ее! И здесь мне понадобится ваша помощь! Многие из вас уже участвовали в поисках Элеонор Тоу. К сожалению, безуспешно! Я прошу добровольцев подходить к констеблю и записываться для участия в поиске мисс Абрамсон. Я также прошу вас с нашей помощью организовать группы по семь человек, в каждой из которых будет определен старший. Далее мы распределим места поисков на карте и начнем переверачивать дюйм за дюймом! И пока вы будете помогать искать пропавшую девушку, я со своими коллегами осмотрю те места, где ее видели в последний раз перед исчезновением. Только так мы сможем принести реальную пользу, а не выкрикивать свои бесполезные возмущения, находясь здесь, на площади! Пока мы с вами тут говорим, кто-то использует эти минуты для того, чтобы издеваться и мучить Агату! Разве мы будем тут просто стоять, зная, что дорога каждая минута и мы можем помочь ей сохранить жизнь?!

Гален обвел решительным взглядом загудевшую толпу.

– Дело говоришь! Меня записывай! – выкрикнул первый доброволец.

– И меня!

– Черт подери, и я хочу найти этого ублюдка!..

– Теперь инспектор воодушевил их и заимел себе небольшую армию сторонников, готовых перевернуть все вверх дном, – улыбнулся сэр Валентайн. – И мастерски переключил их неуемную энергию в полезное для нас русло. Думаю, нам пора уходить отсюда.

Словно читая мысли Аттвуда, толпа стала понемногу рассасываться – оставались лишь те, кто решил принять участие в организованном поиске очередной девушки, которая пропала сутки назад. Гилмор и констебль фиксировали имена добровольцев, тут же формируя группы.

– Откуда у него карта? – удивился Алисдэйр.

– Помните, инспектор упомянул о том, что было бы неплохо определить те места, где убийца мог бы потенциально держать жертву в течение недели? Он сразу же раздобыл ее, изучая местность. Это всегда первый шаг Галена в подобного рода делах. Ведь любой преступник – прежде всего человек, такой же, как вы или я. И у вас, и у меня ведь есть дом и другие места обитания, верно? Так почему же у преступников их быть не должно?

– Логично, – согласился Алисдэйр.

– Мальчик мой, вы почему-то очень бледны, – вдруг заметил доктор Аттвуд обеспокоенным голосом. – Вам нездоровится?

– Нет, нет! – возразил Эддингтон. – Я себя превосходно чувствую. Видимо, просто усталость сказывается.

– Тогда вам следует немедленно ехать домой и отдыхать.

– Но...

– Никаких «но»! Не забывайте – я прежде всего врач. К тому же ваш учитель. И я настаиваю на вашем отдыхе.

– Ну хорошо, – вздохнул Алисдэйр, понимая всю бесполезность возражений профессору. – Возможно, сон и вправду пойдет мне на пользу.

– Я предупрежу Гилмора – и едем...

Когда карета сэра Валентайна подъехала к замку, там их уже поджидал посыльный от барона Милтона и виконта Эддингтона. Оставив Алисдэйра на попечении его матери Розелин (Мариссы в это время еще не было дома, как и Кенрика вместе с Горденом Дином), доктор Аттвуд тут же помчался обратно, к дому барона и баронессы Милтон. Новость взволновала его, казалось, даже больше, чем пропажа Агаты Абрамсон, двадцатидвухлетней красавицы графства. Причины такого волнения были ведомы лишь ему, но даже посыльный обратил внимание, как нахмурились брови профессора, а рука автоматически то и дело поглаживала хорошо стриженную бороду на прямоугольном лице. В то время как инспектор Гилмор и констебль все еще занимались организацией поисков мисс Абрамсон, сэр Валентайн подъехал к дому барона.

– Хорошо, что вы не заставили себя долго ждать, доктор, – произнес Норберт, когда ученый вошел в дом.

– Проведите меня к ней, – озабоченно сказал Аттвуд. – Мне необходимо задать ей некоторые вопросы.

– А если доктор Янг... – начал возражать Олдос Милтон, но тут же был прерван решимостью сэра Валентайна:

– Отведите меня к вашей дочери, барон.

Виконт оставил грубость без комментариев.

– Идемте.

– Прошу, – Милтон указал рукой на дверь, когда они поднялись по лестнице наверх.

Аттвуд вошел в комнату, где на кровати лежала Джиневра, а подле нее находился Тейт Янг. Казалось, юная баронесса спит.

– Я слышал колокол, – вместо приветствия произнес Янг. – Что случилось?

– Пропала девушка. Агата Абрамсон. Вы ее знаете?

– О Бог мой! – шепотом воскликнул доктор. – Конечно. Думаете, это он?

– Куда важнее сейчас выяснить, кто же напал на леди Милтон.

– А разве это не ясно? Слава Богу, ей удалось вырваться из лап этого чудовища.

– При условии, что на нее напало, как вы изволили говорить, «это чудовище», – скривился ученый из Лондона.

– Я не совсем понимаю вас, Валентайн.

– Все проще простого: вчера пропадает Агата Абрамсон и по сию минуту никто не видит ее, и дома она не появляется, при всем том, что, по утверждениям знающих ее людей, покидать дом она не намеревалась. Равно как уезжать из деревни или графства. А уже спустя не более суток некто нападает на леди Милтон. И вот это уже весьма странно.

– Считаете, что этого не мог сделать один и тот же человек? – догадался доктор Янг.

– Да, мой друг. Либо мисс Абрамсон исчезла по иной причине, а на Джиневру действительно покушался наш убийца...

– ...либо на нее покушался кто-либо другой, а Агату похитил именно тот, кого вы ищете, – завершил за Аттвуда Тейт.

– Совершенно верно!

– Но почему такой вывод? Неужели это не мог сделать один и тот же человек?

– Не мог, и я более чем убежден в этом, – веско ответил профессор. – Убийца уже похитил очередную жертву. Судя по его поведению, для чего ему сразу две? Одновременно? Он вначале совершит свое чудовищное преступление с одной – не торопясь и наслаждаясь каждым мгновением, достигая своей безумной цели, а затем будет выискивать следующую жертву. Две сразу ему без надобности, это доставит больше хлопот.

– Но если предположить, что вы ошибаетесь? Это ведь возможно?

– Возможно, – согласился доктор Аттвуд. – Но тогда я ровным счетом ничего не смыслю в психике таких индивидов и в их поведении, а я, позвольте вам напомнить, все же кое-что смыслю в этом.

– Простите за мое невежество, но кто же тогда напал на Джиневру?

– Это я и хочу выяснить, – задумчиво ответил сэр Валентайн. – Будите ее.

Доктор Янг не стал возражать. Он привычным жестом подсунул девушке под нос пузырек с нашатырем, и от едкого запаха у нее поморщился нос и задергались веки. Через мгновение глаза Джиневры приоткрылись, а лицо исказила гримаса.

– Где я? – слабым голосом спросила она.

– Все в порядке, мисс Милтон, – участливо проговорил Тейт. – Вы дома. В безопасности.

– Сэр Валентайн? Вы здесь?

– Да. Вы в состоянии говорить?

– Что случилось? – было заметно, что память к Джиневре возвращается медленно.

– На вас напали, – тут же сказал доктор Аттвуд, опережая готовые вырваться наружу успокаивающие слова Тейта Янга. – Вы гуляли по центральной улице, и на вас кто-то напал. Вы помните это?

Веки девушки плотно сжались, словно пытаясь отгородиться от страха воспоминаний, отчего Валентайн понял, что Джиневра все помнит.

– Припоминаете?

– Да, – судорожно сглотнув, тихо ответила она.

– Пожалуйста, опишите, что именно вы успели увидеть? Как все случилось?

– Я... я шла по улице. Мы договорились встретиться. С Мариссой и Бетси... в парке у реки. Я направлялась туда. И вдруг скорее почувствовала, чем увидела... кто-то выскочил... и схватил меня за руку. Крепко. Я испугалась, – при этих словах глаза девушки вновь плотно зажмурились.

– Что было потом?

– Я попыталась закричать, но не смогла. Не знаю, почему. Рванулась в сторону. Почувствовала, что хватка ослабла. Еще раз... наверное, я начала сильно брыкаться... мне было очень страшно. Потом удалось вырваться, и я побежала.

– И все? – в голосе Аттвуда проскользнули едва уловимые нотки разочарования.

– Да... я была очень напугана... даже не помню, как оказалась около дома. Как только я почувствовала, что меня схватили за руку, сразу в голову вонзилась мысль – это он! Дьявол! Он пришел за мной и убьет так же, как Элеонор! Понимаете? Меня охватил ужас!

Джиневра затряслась мелкой дрожью.

– Может быть, тот, кто схватил вас, успел что-то сказать?

– Нет... я не помню...

– Запах? Чем пахло в эти мгновения?

Девушка задумалась, а доктор Янг с удивлением посмотрел на ученого из Лондона.

– Да... точно... Запах! От него воняло. Будто он не мылся годами. Так пахнет помойка!

– Вы уверены?

– Да. Вы как спросили, я сразу и вспомнила, что в те секунды я ощутила отвратительную вонь.

– Превосходно! – воскликнул Валентайн. – Может быть, в эти мгновения вы все же смогли рассмотреть нападавшего?

– Нет, что вы! Я думала только о том, как бы вырваться и бежать. Я и головы не поворачивала в его сторону. Простите, доктор, но это все, что я могу припомнить.

– Благодарю вас, Джиневра, – произнес Аттвуд. – Вы смелая девушка. И вы очень помогли. А сейчас отдыхайте и набирайтесь сил.

– Доктор... вы поймаете его?

– Непременно!

И Валентайн, вежливо поклонившись, покинул комнату баронессы Милтон...

Вызвавшихся искать пропавшую Агату Абрамсон было много, не менее сотни. Мужчины деревни разных возрастов и занятий – от простого плотника до владельца какой-нибудь лавки – толпились на площади, слушая четкие распоряжения инспектора Гилмора. Среди них находились отец пропавшей девушки Ригби Абрамсон, коренастый, с длинноватыми и сильными руками вдоль слегка скривленной осанки, а также его старший сын Уэсли – брат Агаты. Оба были мрачны и печальны, особенно Уэсли, чье воображение живо рисовало ужасные картины того, что может ожидать его сестру, если она находится в лапах изверга.

– Держись, старина, – кто-то рядом хлопнул Ригби по плечу. – Мы ее обязательно найдем.

У немногословного Абрамсона не нашлось, что ответить, а к горлу внезапно подкатил комок, и он только кивнул. Перед его глазами совершенно отчетливо возникло улыбающееся и счастливое лицо его любимой дочери, в которой он души не чаял. Зажмурился, прогоняя готовые вот-вот появиться слезы отчаяния и жалости.

– Отец? – прошептал Уэсли обеспокоенно. – Ты в порядке?

Ригби посмотрел на сына.

– Она очень дорога мне, – вдруг прошептал он.

– И мне тоже, – грустно ответил сын.

– Она так похожа на маму...

– Папа, – Уэсли сглотнул, – мы найдем Агату, и все будет хорошо. Надо верить.

– Да, – кивнул Ригби, но вышло это обреченно. – Надо верить...

На площади стоял легкий ропот, перекрываемый громким голосом Галена Гилмора. Он то усиливался, если речь инспектора вызвала эмоции, то сходил на нет. Свет от многочисленных огней факелов разрезал вечернюю темноту, освещая полные решимости хмурые лица мужчин. Их гражданский порыв был оправдан: в месте, где на протяжении многих лет живут они и их семьи, орудует настоящий монстр, безжалостно убивший Элеонор Тоу, и теперь, возможно, та же участь ожидает вторую по счету девушку, чей отец и брат сейчас находятся среди них. Каждый присутствующий здесь внутри себя боялся за своих детей, родных и близких и испытывал сильную ярость к тому, кто такие злодеяния совершает, будь то человек или сам дьявол. Для Галена Гилмора образование такой маленькой армии сторонников из числа местного населения носило двоякий характер. С одной стороны, их помощь может оказаться поистине неоценимой, и тогда ему быстро удастся обезвредить убийцу, к тому же возмущенной толпой лучше управлять самому, чем быть управляемым ею. А с другой стороны, если ему не удастся долго контролировать их всеобщий гнев, тогда все эти люди, движимые ненавистью к убийце, могут стать куда опаснее его самого. А это может привести к необратимым последствиям.

– Вы, вы и вы, – уверенно громким голосом говорил инспектор, когда добровольцы были разделены и сформированы на шестнадцать групп по семь человек в каждой, и в них был

определен старший группы. – Берете для поисков вот это место. От реки в лес. Вы и вы – здесь, – сэр Гален ткнул на точку в карте. – Прочесываете окрестности вокруг озера...

Никто не прекословил ему, все внимательно слушали каждое слово полицейского из Лондона. Они видели, что этот невысокий и элегантный мужчина знает толк в своем деле. Не чета констеблю, неуверенно стоявшему рядом, который за все время не проронил и слова.

– Особое внимание – на заброшенные хижинки и дома, которые я успел обозначить на карте, – подводил итог Гилмор, когда каждой группе определил место поиска. – Если таковые встречаются на вашем пути, их следует тщательно осматривать. В одном из таких строений может оказаться Агата Абрамсон. Обращайте внимание на любую мелочь – предмет одежды, заколку, гребешок, платок и даже обычную нитку, черт возьми! Как только заметили что-либо, тут же отправляйте посыльного в участок, где буду я или констебль. И без самоуправства! Все ясно?

Легкий гул недовольства прошелся по толпе.

– Я спрашиваю, вам все ясно? – жестко выкрикнул инспектор, и в его голосе ощущалась сила.

– Да ясно, чего ж тут неясного-то! – выкрикнул один из старших, а остальные кивнули головами.

– Тогда вперед! Не теряем времени зря! Берите факелы и провизию, карты выдаст констебль. С Богом!

По прошествии нескольких минут все разошлись уже под руководством старших групп, и площадь практически полностью опустела.

– Сэр Гален!

Инспектор обернулся на женский голос.

– Леди Эддингтон? – удивился он. – Вы-то что здесь делаете в такое позднее время?

– Мы гуляли в парке. Ждали Джиневру, а потом этот звон колокола и люди на площади.

Мы побежали сюда и узнали, что похитили еще одну девушку.

– Кто с вами?

– Это Бетси Тернер, моя подруга, – представила Марисса.

Бетси учтиво кивнула.

– Будьте рядом и никуда не уходите.

– Это опасно? – глуповато спросила Тернер, на что не получила никакого ответа.

– Мне понадобится ваша помощь, святой отец, – обратился инспектор Гилмор к преподающему Джейкобу Олдриджу.

– Всегда к вашим услугам.

– Мне не нужен самосуд, – веско сказал Гален. – Понимаете, о чем я? Они в ярости и могут вытворить все, что угодно, за пределами разума.

– Но чем же...

– Вы приходской священник. Вы обладаете силой и авторитетом. Вы можете мне не допустить лишнего кровопролития, когда придет время. Вот моя просьба.

– Я вас понял, инспектор, – ответил Олдридж. – Я сделаю все, что смогу.

– Вот и превосходно. Нам здесь больше делать нечего, господа. Я хочу осмотреть то место, где девушку видели в последний раз. А также поговорить с тем, кто ее видел.

Эти слова были обращены к констеблю.

– Да, сэр, – учтиво кивнул тот. – Ее видела Дебра Хейг. У озера...

– Что? – Гилмор уперся взглядом в полицейского. – Снова у озера?

– Да.

– Почему она туда направилась?

– Уэсли, брат Агаты, сказал, что пошла прогуляться.

– И все?

– Это все, что ему известно.

– Черт возьми! Я хочу поговорить с этой Хейг. Где она?

– Была здесь... сейчас не знаю.

– Так найдите мне ее! Да поживее! Я буду с преподобным Олдриджем и дамами в церкви.

Пока их не доставят в «Эддингтон Холл». Не возражаете?

– Ну что вы! – возразил святой отец. – Милости прошу!

Гилмор в сопровождении священника и двух девушек направились в сторону церкви, а констебль удалился исполнять распоряжение инспектора...

Суматоха и всеобщее возбуждение на площади не позволили Ройлу Фармеру заприметить Мариссу, равно как и ей увидеть своего возлюбленного. Он вызвался добровольцем в поисках Агаты Абрамсон и теперь вместе с другими должен был прочесывать северо-восточную окраину деревни, где располагались поля и местность была преимущественно равнинная, с многочисленными оврагами. Здесь же стояли и прогнившие, заброшенные амбары, и постройки, все еще используемые землепашцами для хранения урожая. Их-то и предстояло внимательно осматривать в первую очередь. И, конечно же, не упускать ни одного оврага. Это было куда проще, нежели продирааться сквозь лесные чащобы или же месить болотистые топи, но сложнее, чем искать девушку в самой деревне, где также было достаточно потаенных мест. Ройл знал Агату лично. Ему было приятно общаться с этой всегда жизнерадостной и открытой девушкой, но они никогда не были близки как друзья, не говоря уже о другом. Узнав новость о ее исчезновении, он сильно расстроился, а когда на площади внезапно появился инспектор Гилмор из Лондона и взял инициативу в свои руки, – вот тогда Ройл понял, что все очень серьезно. Слухи об обезображенном теле Элеонор Тоу успели облететь не только деревню, но и все графство, и Фармер представил себе, что Агату могут убить точно так же. Даже плечами передернул от брезгливого отвращения, а потом накатила жалость. И он вызвался искать ее в составе одной из групп, так умело сформированных опытным полицейским Скотленд-Ярда.

До встречи на точке сбора всех двадцати восьми участников поисков под предводительством четверых старших оставалось не более десяти минут, и Ройл, взяв с собой из дому все необходимое, торопливо направился к заранее оговоренному месту. Держа перед собой горящий факел, который освещал узкую улочку между плотно стоявшими друг к другу домами, сын пекаря скорым шагом двигался вперед. Вдруг подумалось, насколько темна ночь, особенно когда небо заволкло тучами. Только бы не было дождя. Тогда поиски могли бы значительно усложниться, тем более на открытой местности. Неподалеку залаяли собаки. Наверняка в их группе есть добровольцы, прихватившие с собой псов, и это было весьма кстати. С ними вероятность напасть на след, если он был, гораздо выше. Улочка стала шире, между домами появились просветы. В большинстве окон было темно, и только в некоторых он замечал блики свечи. Многие заперлись в своих домах, будто в норах, испытывая страх перед дьяволом, разгуливающим по деревне. Фармер невесело хмыкнул про себя, однако в глубине души и сам верил в то, что это место посетил сам Сатана. Разве мог человек сотворить такое? И эти загадочные следы в земле – глубокие, выжженные, словно от раскаленных копыт. Люди говорили, что в графстве Девоншир обнаружили похожие следы, которые тянулись более 100 миль! Их успели окрестить дьявольскими метками, и слухи о них разлетелись по всей Англии. И вот теперь здесь, в их деревне, вблизи озера находят такие же отметины, а потом – и возле найденного тела Элеонор Тоу! Это не могло быть просто совпадением. И дело тут было нечисто, Ройл знал это.

Впереди едва заметно мелькнула чья-то тень. Фармер резко остановился. Сердце заколотилось в груди, а нервы враз напряглись. Кто это? Он вытянул руку с факелом, пытаясь осветить побольше пространства, но никого не увидел.

– Эй! – неуверенно выкрикнул Ройл.

В ответ тишина. Показалось? Видимо, да. Сделав глубокий вдох, он зашагал дальше, как вдруг из-за угла одного из домов вновь что-то прошелестело. Едва заметное движение. Что за чертовщина! Улица была абсолютно пуста, да и сам Фармер был уже в нескольких минутах от места сбора всех добровольцев. Может, кот? Или собака приблизилась?

– Эй, кто здесь?

Еще несколько шагов вперед. И тут от стены дома, там, где не доставал свет факела, быстро отделилась чья-то фигура и принялась убежать. Человек, мелькнуло в сознании Ройла. От него убегал какой-то человек! Может, это тот, кого они ищут? Ведь он убегает!

– Стой! – рефлекторно заорал Фармер, а ноги сами понесли его вслед за убегающим.

Догнать! Обязательно догнать!

– Стой же!

Ройл был теперь почти убежден, что тот, кого он сейчас преследует на темной улице, и есть похититель Агаты. Он видел удаляющуюся от него фигуру человека и ускорил бег. Сердце в груди отбивало частый ритм, а с правой стороны живота стала нарастать сдавливающая боль. Фармер понимал, что устает, однако упустить подлеца он не имел права. Как назло, вокруг не было ни души, и помочь ему было некому. Прибавив скорости супротив боли в боку, Ройл вдруг почувствовал, что нагоняет преследуемого. Это придало ему сил. Он больше не кричал «стой», дабы не тратить энергию впустую, а наоборот, стиснув зубы, все свое желание поймать убегающего человека направил на погоню. Ярд за ярдом, но расстояние между ними сокращалось. Дальше улица раздваивалась, но Ройл заметил, что убежавший юркнул влево. Он – за ним. Внезапно его правая нога зацепилась за выступающий камень брусчатой дороги, – тело по инерции понесло вперед, и Фармер, чтобы не упасть вовсе, стал часто перебирать ногами, удерживая равновесие. Ему удалось не шлепнуться на камни и удержать факел в руке. Это подзадорило сына пекаря, чья решимость изловить негодяя была огромной. И вновь расстояние стало сокращаться, а когда в нос Ройлу ударила вонь долго не мытого тела и глаза уже отчетливо видели впереди тощую спину в рваной рубаше, он понял, что необходимо сделать бросок. Напряжение и отчаянный прыжок – Фармер всей массой навалился на спину убегающему, заваливаясь вместе с ним на мостовую. Горящий факел покатился по дороге, а Ройл крепко-накрепко вцепился в сбитого с ног беглеца, который издавал странные мычания, но не проронил ни слова. Ройл резко перевернул его лицом к себе. Бог мой, какая вонь, автоматически подумал Фармер, прижимая уж очень худое и костистое тело к земле.

– Теперь не сбежишь, – громким голосом молвил он. – Где Агата?

В ответ испуганное мычание и широко раскрытые глаза, которые с немим ужасом уставились на восседающего сверху Ройла. Почему он не сопротивляется?

– Где Агата?

И тут вдруг боковым зрением в отблесках горящего рядом факела Фармер заметил крепко зажатую женскую шляпку в грязной, костлявой руке.

– Что это? – удивленно спросил он, хотя страшные догадки и без того стучались в его сознание. – Я тебя спрашиваю, что это?! Откуда она у тебя?!

Человек под ним замычал еще громче, поднося руку со шляпкой к своему лицу, и вдруг сделал глубокий, свистящий вдох. Так с первобытным вождением вдыхают любимый аромат. А затем он, широко раскрыв рот в безобразной улыбке, обнажил гнилые зубы и, к ужасу Ройла, дико захохотал...

Убранство церкви было скромным, достойным дома Господнего. Множество свечей по периметру святой обители хорошо освещало ее.

– Моя карета неподалеку, и она к вашим услугам, – ровным голосом проговорил Гилмор, обращаясь к Мариссе и Бетси Тернер. – Уже поздно, и вам пора в «Эддингтон Холл», иначе виконт решит, что и вы пропали, и будет сильно волноваться.

– Полагаю, – уклончиво начала леди Эддингтон, – просить вас о возможности остаться бессмысленно.

– Правильно полагаете, – нотки непреклонности в тоне инспектора звучали слишком отчетливо, чтобы не понять его решимость выпроводить девушек.

– Сэр Гален, Агату похитил дьявол? – спросила Бетси, чем вызвала снисходительную улыбку на его утонченном лице.

– Дорогая мисс Тернер, с вопросами о дьяволе и Сатане вам к преподобному Олдриджу. А я инспектор Скотленд-Ярда, я ловлю убийц и прочую нечисть, которая к религии имеет такое же отношение, как я к восстанию сипаев в Индии. И если вы хотели спросить, похитил ли мисс Абрамсон тот, кто убил Элеонор Тоу, то отвечу, – вероятно, да.

– Господь всемогущий! – ужаснулась Бетси, прижимая руку ко рту.

Было видно, что ее простоватые чувства совершенно искренни, как и страх.

При этих словах приходской священник перекрестился, но не проронил и слова. Он был не менее шокирован происходящим и пребывал в раздумьях.

Цокот копыт, доносящийся с улицы, прервал их разговор.

– Вот и моя карета, – сказал Гилмор. – Идемте, я провожу вас.

Инспектор и девушки вышли из церкви. Сэр Гален открыл дверцу и помог вначале Мариссе, а затем и Бетси залезть внутрь.

– Отвези этих милых леди в «Эддингтон Холл» и проследи, чтобы они вошли в дом, – проинструктировал кучера полицейский. – Головой отвечаешь.

Кучер угрюмо кивнул.

– До скорой встречи! – Гилмор устало улыбнулся и проводил отъезжающую карету взглядом, пока она совсем не покинула площадь.

Развернувшись, он направился обратно в церковь, но шум во весь опор мчащегося экипажа заставил его остановиться и обернуться назад. Что за чертовщина? Это еще кто? Прищурив глаза, инспектор узнал карету Валентайна Аттвуда, который уже через минуту соскочил со ступеньки и быстрым шагом направлялся к нему.

– Мне сообщили, что вы еще здесь, – пробасил доктор.

– Что-то случилось?

– Да, мой друг! И весьма важное!

– Идемте, – махнул рукой Гилмор. – Преподобный Олдридж любезно согласился приютить нас на время поисков мисс Абрамсон. К тому же на улице зябко.

Как только они переступили порог церкви, Аттвуд, не теряя времени, вкратце изложил историю Джиневры Милтон, случившуюся с ней этим вечером. Пока он рассказывал, Джейкоб Олдридж, извинившись, куда-то удалился.

– Гм... это весьма интересно, – бормотал инспектор. – Полагаете, это был он?

– Нисколько! – тут же уверенно возразил профессор и изложил свои мысли, которые ранее озвучивал доктору Янгу, стоя перед кроватью спящей леди Милтон. – К тому же девушка упомянула о запахе. Напавший на нее был пропитан вонью, словно от помойки.

– Бродяга?

– Вероятнее всего. Какой-то нищий или обитатель работного дома, не иначе.

– Но тогда я не вижу здесь ничего полезного в нашем расследовании, – удивленно приподнял брови инспектор. – Леди Милтон нужно успокоиться и забыть эту историю. При чем здесь наш убийца?

– Ну как же! – воскликнул Аттвуд. – Подумайте сами, Гален – мы с вами совершенно упустили эту публику из внимания. А ведь именно они постоянно живут на улице и знают все и всех, каждый закоулок этой деревни и ее окрестностей!

– Хотите сказать...

– Именно! – прервал его сэр Валентайн. – Эти бродяги могли видеть то, что нам нужно. Или даже того, кто нам нужен!

– А ведь вы правы, черт вас дер!

– Господа! – к ним быстрым шагом направлялся преподобный Олдридж вместе с каким-то парнем, неуверенно мнущим головной убор в руках. – Господа! Выслушайте его! Говори, Ройл!

Голос священника был возбужден и напуган. Гилмору и Аттвуду стало понятно, что произошло нечто серьезное.

– Мое имя Ройл Фармер, сэр, – учтиво начал парень, обращаясь к обоим и одновременно не понимая, к кому именно необходимо обратиться в первую очередь.

– Оставьте вежливость на потом, – резко прервал его инспектор. – Говорите дело.

– Я один из добровольцев, сэр, – теперь Ройл смотрел на Галена Гилмора. – Мы должны были искать Агату с северо-восточной стороны. Когда я направлялся к месту, где мы должны были собраться...

И Фармер, постепенно ускоряя речь из-за нарастающих эмоций, рассказал о погоне за незнакомцем.

– И вы поймали его? – спросил доктор Аттвуд.

– Да, сэр. У него в руках была женская шляпка, и... он какой-то странный.

– То есть?

– Ну... хохотал, словно безумец.

– Где он сейчас? – спросил инспектор, и в его тоне чувствовалось волнение.

– В том-то и дело, что я настиг его неподалеку от того места, где были остальные парни.

Они услышали... прибежали на помощь...

При этих словах Ройл как-то странно потупил взгляд.

– Бог мой, – воскликнул Аттвуд. – Пойманный сейчас у них?

– Ну да.

Доктор посмотрел на инспектора, который и без того все понял.

– Они же убьют его! Почему вы не привели его сюда?

– Я... я хотел, но... парни не дали, – бормотал Фармер.

– Черт вас дер! Я же приказывал не чинить самосуд!

– Потому я и прибежал к вам.

– Живо к экипажу! Фармер, вы с нами! Показывайте дорогу!

Профессор и Гален Гилмор бегом направились к карете сэра Валентайна, за ними бежал Ройл. Преподобный Олдридж в эти секунды шептал про себя слова молитвы. Как только двое мужчин оказались внутри кареты, а сын пекаря вскочил на козлы рядом с кучером, инспектор заорал «Гони!».

– Оставьте молодого человека, Гален, – успокаивающе произнес доктор Аттвуд, видя, что полицейский не находит себе места от злости. – Порка бессмысленна. Тем более, его надо благодарить за то, что он сообщил нам сию новость. Еще можем успеть остановить безумие.

– Я уже имел возможность видеть гнев толпы и его последствия, – возбужденно ответил Гилмор. – И не имею ни малейшего желания наблюдать такое вновь.

– Надеюсь, и не придется.

Экипаж мчался по мостовой, скрип колес разрезал ночную тишину улиц. Карету кидало из стороны в сторону на поворотах и кочках под крики кучера «Но-о-о! Пошли! Пошли!». Вскоре до ушей Гилмора и Аттвуда стали долетать отдельные обрывки голосов. Доктор выглянул в окно. Впереди стали заметны огни факелов.

– Осталось недолго, – проговорил он, хотя в душе его усиливалось нехорошее предчувствие.

– Это здесь! – крикнул Фармер, когда шум десятков мужских голосов, что-то выкрикивающих и улюлюкающих, стал совсем отчетливым.

– Давай!

– Получи, сволочь!

– Вот тебе!

Звуки ударов были настолько отчетливо слышны, что инспектор скривился.

– Мы опоздали, Валентайн.

Экипаж резко затормозил, и Гилмор буквально пулей вылетел из кареты.

– Остановиться! – во все горло заорал он. – Приказываю остановиться!

Картина, представшая глазам полицейского из Скотленд-Ярда и доктора Аттвуда, оказалась поистине ужасающей. Не менее двадцати разъяренных мужчин сбились в кучу, по центру которой на земле валялась в буквальном смысле слова уже бесформенная куча мяса и костей, некогда бывшая человеком. Десятки ног, обутое в тяжелые сапоги, методично месили тело незнакомца, и каждый удар был настолько силен, что звуки вплоть до хруста костей и вылетавшего из легких воздуха разносились далеко от этого места. Одновременно с сильными ударами ботинок десятки рук тыкали горящими факелами в тело на земле. Слабые стоны были едва слышимы и заглушаемы ревом яростной толпы, а руки пойманного беглеца уже безвольно болтались, не в состоянии закрывать голову от жестоких ударов. Алая кровь брызгала в стороны, заливая камни мостовой вокруг, вымазывая обувь и брюки праведных убийц, чей гнев был совершенно неконтролируемым.

– Приказываю! Ос-та-но-ви-тесь! – бешенство толпы не давало возможности услышать инспектора сразу же.

– Прекратите! – пришел на помощь Гилмору доктор Аттвуд.

Гален выхватил из внутреннего кармана сюртука револьвер и поднял руку вверх. Громыкнул выстрел, затем другой. Выстрелы образумили толпу, заставили всех прекратить побойше.

– Это убийца! Это он убил Элеонор!

– Это зверь и животное!

– А кто вы?! – выкрикнул Аттвуд. – Кто дал вам право чинить самосуд?!

– Он получил по заслугам!

– Да!

– Идиоты! Я же приказывал не делать этого! – не сдержался Гилмор, чье лицо пылало яростью.

– Но мы поступили правильно!

Несмотря на это, осознание содеянного постепенно стало доходить до взбешенных умов, а кое-кто уже молчал, опасливо косясь на представителя власти в ожидании действий с его стороны. Аттвуд склонился над умирающим. Это был уже не человек, а месиво – ни лица, ни одной целой кости. Все тело было изуродовано и обожжено.

– Еще дышит, но перевезти его мы не сможем. Может умереть в дороге. Собственно, уже умирает.

– Он в сознании?

– Боюсь, нет. Вы оказались правы, Гален. Мы не успели. Они убили его...

Селби Нэш был на площади и слушал громкую, уверенную речь инспектора из Скотленд-Ярда. Однако по ее окончании, когда к нему и констеблю потянулись люди для записи в добровольцы на поиски Агаты Абрамсон, он продолжал стоять на своем месте, лишь изредка переступая с ноги на ногу. Наблюдал. Народ графства был напуган и возмущен одновременно. Все хотели скорейшей расправы и забыть потом происходящее, как страшный сон. Подумав об этом, Селби презрительно хмыкнул. Слабые и никчемные людишки, пекущиеся только о

себе, своей тарелке еды в доме и о безопасности, лишь бы именно с ними ничего страшного не произошло. На других было совершенно плевать. И даже этот порыв ярости, казалось бы, праведной, был всего-то ширмой, прикрывавшей эгоизм и страх каждого из них. Смерть Элеонор Тоу и похищение Агаты Абрамсон в реальности не так беспокоили их, как желание оградить себя от того ужаса, который враз опустил на деревню.

Нэш, кинув последний взгляд на толпу, часть которой рассасывалась по улочкам, тоже развернулся и пошел прочь.

– Эй, парень! – окликнул его кто-то. – Ты разве не идешь на поиски?

– Иду, – тут же отозвался Селби, думая про себя, какое этому доходяге дело до того, идет он или же нет? – Я уже записался.

И, не сбавляя ход, покинул площадь. Его мысли занимала Элеонор. Весь путь домой он думал о девушке. О их встречах, о том, как втайне гуляли в безлюдных местах, чтобы их не видели любопытные глаза, готовые тут же разнести грязные сплетни. Он всегда мечтал коснуться ее, мечтал, чтобы Элеонор была только его.

Селби Нэш жил неподалеку от кузни, в квартале от дома Ройла Фармера, сына пекаря, с которым поддерживал приятельские отношения. Можно сказать, он был единственным, с кем Селби мог и предпочитал общаться. Потому что все остальные были ему противны, и чем больше он сталкивался с обществом, тем больше его манило одиночество. Подойдя к двери дома, Нэш вставил ключ в замок и открыл ее. Вошел внутрь.

– Сынок? – скрипучий женский шепот из темноты.

– Да, мама. Это я.

– Что там случилось?

Мать Селби была тяжело больна и прикована к кровати. Отец умер, когда он еще не родился, и с малых лет ему предстояло быть единственным кормильцем в семье. А теперь, когда мама заболела, он еще и ухаживал за ней вместе с соседкой по двору, которая часто оказывала посильную помощь. Иногда их навещал доктор Янг, но Нэшу всегда казалось, что это происходит скорее из вежливости, чем из искреннего желания помочь. Он буквально чувствовал равнодушие лекаря и также презирал его за это. За лицемерие, на которое его толкала клятва Гиппократова. Селби вошел в маленькую полутемную спальню и присел на стул у кровати.

– Ты помнишь Агату?

Вялый взгляд мутных глаз остановился на нем, а тощая, старческая рука слабо приподнялась. Нэш взял ее в свою руку и положил себе на колено. Он так делал всегда на протяжении нескольких лет, понимая, что мама почти не видит, но все еще чувствует. Это вселяло в нее некую уверенность и понимание, что сын не бросил ее одну, как делали многие. Веки старой женщины при вопросе утвердительно зажмурились и приподнялись вновь.

– Ее похитили. Как Элеонор.

– Она еще жива? – казалось, силы покидали ее с каждым звуком произнесенного слова.

– Не знаю, – спустя секундную паузу, задумчиво произнес Селби. – В деревню приехал инспектор Скотленд-Ярда из Лондона. С ним также какой-то знаменитый ученый. Он профессор и читает лекции на кафедре университета, где обучается виконт Эддингтон. Они организовали поиски Агаты.

– А ты?

Мышцы на лице Нэша чуть заметно напряглись.

– Я устал, мама. Тяжелый день, было много работы. Я пойду спать.

Он аккуратно положил ее руку обратно на кровать, встал со стула.

– Тебе что-нибудь принести?

Но в ответ была тишина. Лишь слабое посапывание говорило о том, что старая женщина уснула. Селби какое-то время смотрел на нее – взгляд его был пустым...

Испутив последний вздох, изувеченный разъяренной толпой человек умер в страшных мучениях. В его руке все так же была крепко-накрепко зажата женская шляпка. Даже когда его методично убивали десятки ног и горящие факелы в руках обезумевших людей, он ни на мгновение не выпускал ее. Не ослабил хватку, будто этот незатейливый предмет туалета имел значительную ценность для него.

– Отмучился, – вырвалось у Ройла Фармера.

Остальные стояли чуть поодаль в полном молчании. В их умы стало все отчетливее приходить осознание содеянного. Кто-то из избивавших, вероятно, уже ощутил угрызения совести или, по крайней мере, неправильность поступка. Другие же хмуро смотрели на груды костей и мяса, в которую они превратили свою жертву. И не чувствовали сожаления, ибо вера в то, что именно он и есть похититель и убийца, давала им понимание справедливости сделанного. Жесткое лицо Галена Гилмора не выражало никаких эмоций. Да он и не мог сию минуту их демонстрировать, ибо был в замешательстве – не знал, что предпринять. А когда такое случилось, он злился на себя за проявленную неосмотрительность и на тех, по вине которых она проявилась. Вымещать злость на публике означало демонстрировать свою слабость и некомпетентность, – хуже для подрыва авторитета и придумать было нельзя. Потому приходилось скрывать ее за маской жесткой решимости до тех пор, пока решение не придет в голову.

– Если он и мог нам что-либо рассказать, то уже никогда не сделает этого, – доктор Аттвуд распрямил тело и обернулся к инспектору. – К тому же, во рту убиенного вы не обнаружите языка.

Услышав это, люди зашущукались, но продолжали послушно стоять на месте, теперь совершенно спокойно ожидая распоряжений полицейского.

– Он не мог разговаривать.

– Верно. И от него разит помойкой.

– Шляпка Джиневры Милтон?

– Думаю, да, – кивнул профессор. – Классический бродяга, коих полно на улицах Лондона, да и здесь также имеются.

Губы Галена плотно сжались.

– Вы убили невиновного человека! – поворачиваясь к людям, гневно произнес он. – Вы понимаете это?

– Постойте, сэр! – недоуменно возразил один из них. – Он ведь драпал от Фармера!

– Да! А в руке женская шляпка! – поддержал его другой.

– И вы решили, что этого достаточно, чтобы избить его до смерти?! Олухи! Чертовы кретины!

Ярость Гилмора все же прорвалась наружу. Его лицо пылало, кулаки были плотно сжаты, так, что костяшки пальцев стали белыми.

– Тело доставить в покойницу! Остальным продолжать поиски! С этим случаем разбираться будем после того, как найдем мисс Абрамсон! Уяснили?

Все закивали головами, не смея перечить представителю королевской власти.

– И упаси вас Господь еще раз повторить такое! – сквозь зубы прошипел инспектор. – Клянусь, будете болтаться на виселице по соседству с убийцей Элеонор!

После этих слов Аттвуд с большим усилием вытащил шляпку из руки покойника, а затем они вместе с Гилмором направились к карете. Когда экипаж с ними уехал, один из старших отправил посыльного за телегой, в которой необходимо было доставить труп в деревню...

Бетси Тернер, по настоянию Мариссы и вежливому согласию виконта Эддингтона, осталась ночевать в их огромном замке. Время для возвращения домой было очень позднее, тем более, что после рассказа о похищении Агаты Абрамсон и того, как инспектор Гилмор умело

охладил толпу, направив ее порыв в нужное русло, Бетси и сама понимала, что ей лучше остаться в «Эддингтон Холле».

– Милорд, я еду на площадь, – важно проронил Горден Дин после того, как Марисса окончила свое эмоциональное повествование. – Я хочу принять участие в поисках.

Норберт исподлобья взглянул на молодого человека, видя странную решимость на его лице.

– Думаю, там прекрасно справятся и без тебя, – устало сказал он.

– Горден! – Розелин Эддингтон недоуменно уставилась на племянника. – Сэр Гален знает, что делает. Тем более, на дворе ночь.

– Я не сомневаюсь в действиях инспектора, – упрямо заявил Горден, а потом вдруг не сдержался и воскликнул, размахивая руками: – Я уже устал от вашей опеки, тетя! То нельзя, так не нужно, эдак опасно! А что в нашей жизни не опасно?! А?! Что вообще, в вашем понимании, мне можно?! Я подыхаю от скуки! Я хочу что-то делать, понимаете? А не сидеть здесь и слушать «на дворе ночь», «там справятся без тебя»! Надоело!

Горден резко развернулся и буквально выбежал из залы, оставляя Розелин с приоткрытым от удивления ртом.

– Наглец, – спокойно, будто констатируя незначительный факт, бросил виконт. – Доброй ночи!

Он покинул комнату. Вслед за ним удалились Бетси и Марисса. Кенрик уже давно спал.

Майрон Фрипп проконтролировал, чтобы у девушек в спальне все было готово ко сну.

– Благодарю, Майрон, – вежливо кивнула Марисса. – Берта, мы сами справимся с туалетом.

– К вашим услугам, леди, – дворецкий покинул спальню вслед за служанкой Бертой.

– Ты видела Ройла? – тут же спросила Бетси. – Он был на площади?

– Не видела. Даже не подумала, что мы могли там встретиться. Сначала я волновалась о Джиневре, где она? А потом эта новость о похищении Абрамсон и... в общем, все наложилось одно на другое.

Марисса говорила наигранно равнодушно, будто бы ее совершенно не беспокоило все, что касалось Ройла Фармера. Она подошла к гардеробу.

– Помоги расстегнуть, – попросила она.

Бетси подошла сзади и принялась расшнуровывать завязки на платье.

– Завидую я тебе, – вздохнула она. – Ройл с тебя глаз не сводит.

– Так уж? Чего же тогда на площади он не заметил меня?

– Вдруг его там не было?

– Там были почти все, – возразила Марисса, стягивая тяжелое платье с помощью подруги. – Уверена, и он тоже. Я его хорошо знаю, он наверняка участвует в поисках. Не может не участвовать.

При этих словах девушка улыбнулась. За время их недолгой, но близкой дружбы леди Эддингтон смогла получше узнать Фармера. Честный, порывистый, добродушный и жаждет проявить себя. Особенно, когда она рядом. Один лишь ее благосклонный взгляд был способен породить бурю в его душе, и ради этого Ройл был готов на многое.

– Повернись, – сказала Марисса и принялась расшнуровывать платье Бетси. – Как думаешь, ее найдут?

– Абрамсон? Не знаю, – тихо ответила Тернер. – А что, если это и вправду сам дьявол?

– Не болтай чепухи!

– А кто, по-твоему, способен на такое?

– Безумец, – ответила Марисса. – Сумасшедший, не иначе.

– Люди говорят – дьявол, – упрямо твердила Бетси. – И увечит жертв за грехи.

– За какие такие грехи он, например, убил Элеонор? – с сарказмом в голосе спросила Марисса.

– Почему мне знать? Хотя бы взять то, что пудрила мозги парням.

– Ты о чем?

– А то ты не знала! Дурачок Селби думает, что нравился ей. А я знаю, – Бетси повернулась к Мариссе лицом и принялась говорить заговорщицким шепотом, – что она не только с ним встречалась.

– И с кем же еще?

– А ты у своего кузена спроси, – Тернер хитровато улыбнулась.

– Врешь!

– Я-то вру?! Вот уж нет! Да я сама однажды видела Гордена вместе с Элеонор.

– Ни в жизнь не поверю! – упрямо возражала Марисса, автоматически складывая платье, которое только что стянула с подруги.

– Да? Тогда спроси у него! Спроси! И у Ройла своего спроси тоже!

Последние слова вырвались у Бетси без контроля, и она тут же спохватилась, приложив ладонь ко рту. В ее глазах на мгновение промелькнул испуг, словно она выдала страшную тайну.

– Что ты сказала? – недоуменно спросила Марисса. – При чем тут Ройл?

Но Тернер продолжала молчать, осознавая, что взболтнула лишнее.

– Отвечай же! – глаза Эддингтон гневно засверкали. Она схватила платье и швырнула его в Бетси. – Отвечай!

– Я... я сама ничего не видела, – залепетала Тернер. – Но ходили слухи, что Ройл часто заживал в дом Элеонор.

– Врешь!

– Да чего ты заладила «врешь» да «врешь»?! – вдруг возмутилась Бетси. – Говорю, что слышала!

– Это ты специально! От зависти! Что у меня с ним отношения, а на тебя он и не смотрит вовсе!

– Дура!

– Сама дура! – выкрикнула разгневанная Марисса и нырнула в постель, накрываясь одеялом.

– При чем здесь это? Ну да, он мне нравится! И я тебе завидую, – иногда прямота и детская непосредственность подруги так сильно раздражали Мариссу, что она готова была убить Бетси за это. – Но я сказала не со злобы.

И Тернер тоже легла в кровать. Ее слова не выходили из головы Эддингтон. Из-за них сон не приходил, а волнение разыгралось настолько сильно, что вскоре ей стало вообще казаться, будто Ройл Фармер предал ее. Подумав об этом, Марисса тихо заплакала в подушку под сопение уснувшей Бетси Тернер...

– Мисс Абрамсон?

Голос доносился сквозь пелену беспомысленности. Он был мягким, приятным, от него веяло добротой и даже участием. Такой голос мог принадлежать только хорошему человеку.

– Мисс Абрамсон? Вы проснулись. Я рад.

Глаза девушки были действительно приоткрыты, но она почти ничего не видела. Темно. Отсутствовала резкость зрения, которая возвращалась очень медленно. Ей даже пришлось несколько раз сильно зажмуриться и вновь поднять веки.

– Где я? – слабо спросила она, но ей казалось, что рот просто открывался, и из него не вылетело ни звука.

– Вы там, где нас никто не побеспокоит, – вдруг успокаивающе ответил голос, который звучал где-то позади нее.

Побеспокоит? О чем это он? И что происходит? Мысли беспорядочно кружились в голове и никак не могли собраться воедино. Попыталась пошевелиться, но не смогла.

– Что со мной? Почему я не дома?

– Потому что вы со мной. Больше не спрашивайте ни о чем, – твердо приказал голос. – Иначе я засуну вам в рот тряпку.

Девушка удивилась такой грубости, попыталась сделать шаг, и только теперь поняла, что привязана и лежит на чем-то твердом. Глаза немного привыкли к тьме. Она смогла рассмотреть едва различимые контуры кровли и большие деревянные балки, которые ее удерживали. Почему она привязана? Что это за помещение с запахом затхлости? Внезапный страх больно сковал ее сердце. Тут же отпустил – и сжал вновь. Она вспомнила! Она все вспомнила. Дернулась. Еще сильнее. Бесполезно. Только веревки, которыми она была крепко связана, больно врезались в кожу.

– Что вы задумали?! Где я?! – паника охватила Агату Абрамсон.

Секунду спустя чья-то сильная рука бесперемонно схватила ее за челюсть, а другая рука запахнула какую-то вонючую тряпку ей в рот. При этом девушка не смогла рассмотреть того, кто сделал это. Замычала, пытаясь крутить головой. Глаза расширились от ужаса.

– Я вас предупреждал, мисс Абрамсон, – сказал голос, который теперь не казался ей добрым и учтивым. Наоборот, жестким и безучастным. – Теперь вы будете лежать молча. Кстати, мисс Тоу оказалась сообразительнее и понимала меня с первого раза.

Мисс Тоу? Агату охватил животный ужас. Она теперь ясно осознала, в чьих руках оказалась. В руках самого дьявола...

Глубокой ночью инспектор Гилмор оставался в участке, привычно расположившись в кресле.

– Езжайте поспите, Аттвуд, – устало бросил он. – От дежурства двоих нет смысла, а мне нужна ваша светлая голова и ясный ум. Я сам побеседую с Деброй Хейг. Увидимся поутру.

– Доброй ночи, Гален, – кивнул ученый из Лондона.

По пути в замок он из окошка кареты видел десятки факельных огней, снующих туда-сюда в темной ночи в поисках Агаты Абрамсон. Найдут ли ее? И найдут ли живой? Аттвуд не знал. Все будет зависеть от инспектора и его самого. Точнее, от быстроты работы их мозга, чья логика должна опередить преступные замыслы убийцы. Возможно, повезет. И тогда кто-либо из добровольцев, вызвавшихся искать девушку, сможет обнаружить что-то, могущее натолкнуть на след. На это была надежда, хоть и слабая, но все же была. Им предстоит тяжелый день – будут похороны Элеонор Тоу и отпевание ее в церкви. Также нужно решить, что делать с забитым до смерти бродягой, которого по ошибке приняли за преступника. Может, он и нарушал закон, но он точно не был тем, кого они ищут. Джиневра Милтон оказалась просто рядом с бездомным, напавшим на нее с целью ограбить. Или же он просто схватил ее за руку, не умея вымолвить и слова из-за отрезанного языка, и хотел просить милостыню. В любом случае погиб совершенно невиновный человек. Думая об этом, Аттвуд нахмурился и пребывал в мрачном расположении духа вплоть до «Эддингтон Холла». Но когда с помощью разбуженного им дворцкого Фриппа он добрался до своей комнаты, стянул сапоги, плащ и костюм, то, едва прикоснувшись к кровати, тут же отключился и не просыпался вплоть до самого утра. Солнце уже всходило, озаряя мрачное облачное небо холодным заревом огненно-красного цвета. Порывистый ветер свистел между щелей плотно закрытых окон, и Валентайн видел, как он клонит деревья в сторону.

Доктор открыл свой саквояж, достал щетку и крем. Взял в руку ботинок и принялся усердно чистить его от деревенской грязи. Настоящего джентльмена характеризует любая

мелочь в его облике, а идеальная чистота обуви была далеко не мелочью в понимании ученого. Закончив это, Аттвуд сменил рубашку и костюм, подошел к зеркалу и придирчиво осмотрел себя. Остатки сна полностью сошли с его ухоженного лица, а цирюльника ему следует посетить завтра, ибо пришло время подправить бороду, виски и прическу на голове. Оставшись довольным, сэр Валентайн позвонил в колокольчик. Через минуту в дверь комнаты постучались, и на пороге появилась служанка Берта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.